

61 (24)
Ш 929

Б. М. ШУБИН

ДОКТОР
А. П. ЧЕХОВ

Б. М. ШУБИН

**ДОКТОР
А. П. ЧЕХОВ**

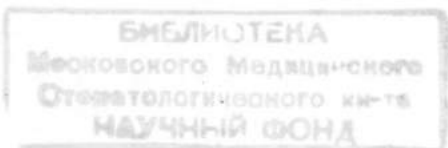

Издательство «Знание»
Москва 1977

010.2 (09) 187 (21)
Ш 929
8 р
Ш 95

2-я стр. обложки: А. П. Чехов в Ялте, апрель 1904 г.
3-я стр. обложки: А. П. Чехов за письменным столом,
1899 г.

54785

Шубин Б. М.

Ш 95 Доктор А. П. Чехов. М., «Знание», 1977.
128 с.; 16 л. ил.

А. П. Чехов был не только замечательным писателем, но и высокообразованным, передовым врачом. Книга знакомит читателя с медицинской деятельностью А. П. Чехова, с кругом его научных и общественных интересов.

Автор — врач, доктор медицинских наук.

Издание рассчитано на самого широкого читателя.

Ш $\frac{70202-086}{073(02)-77}$ БЗ-9-22-77

© Издательство «Знание», 1977 г.

От автора

А. П. Чехов говорил, что читать его будут лет семь, от силы семь с половиной, а потом забудут.

Произведения Чехова прошли испытание временем, десятикратно бóльшим, чем определил скромнейший Антон Павлович. Этим и обусловлен непрекращающийся интерес к личности писателя.

Однако до сих пор нет и, по-видимому, не может быть раз и навсегда составленной биографии Чехова. Очень верно сказал Корней Иванович Чуковский об Уитмене: «Мой Уитмен». Для каждого биографа и читателя существует свой Чехов. Мне ближе всего Чехов-врач. Возможно, что причина тому — общность наших профессий.

На двери московского дома-музея А. П. Чехова, к которой ведут три невысокие ступеньки, прибита старинная чугунная табличка «Докторъ Чеховъ». Рядом с входом на этой же стене уютного двухэтажного особняка, расположенного на Садово-Кудринской, висит мемориальная доска: «Здесь жил с 1886 по 1890 г. великий русский писатель Антон Павлович Чехов».

Большая мраморная доска с золотыми буквами, естественно, затмевает едва приметную чугунную табличку. Точно так же врачебная деятельность Чехова, по сравнению с его литературными трудами, имеет частное значение. Но нельзя забывать высказываний самого Антона Павловича о серьезном влиянии медицинских наук на его творчество; профессия врача не могла не отразиться и на личности писателя.

Скромная табличка на двери чеховской квартиры напоминает, что один из самых любимых наших писателей вышел не только из гоголевской «Шинели», положившей

начало русской прозе, но и из белого медицинского халата.

Рассмотрению некоторых аспектов медицинской деятельности А. П. Чехова посвящается настоящая книга.

В работе над биографией Чехова я нередко обращался к различным литературным источникам, часть из которых приведена в библиографическом указателе. Но лучшая книга о Чехове написана самим Антоном Павловичем: это — его письма. Поэтому, сколько было возможно, я старался предоставлять слово доктору Чехову.

В ВЫБОРЕ ФАКУЛЬТЕТА НЕ РАСКАЯЛСЯ...

Собирая материалы о жизни и творчестве А. П. Чехова, я заказал в библиотеке трехтомник «Русские врачи-писатели». Работа Льва Федоровича Змеева — «почетного члена общества орловских врачей, доктора медицины», как было указано в формуляре, выходила в С.-Петербурге в 1886—1888 гг., и я надеялся почерпнуть из нее интересные сведения о раннем Чехове и его предшественниках.

Но издание оказалось справочником, где в алфавитном порядке приведены краткие биографические данные о врачах, когда-либо выступавших в специальной печати со статьями по различным вопросам биологии и медицины. Не встретил я здесь ни фамилии военного врача В. И. Даля — создателя «Толкового словаря живого великорусского языка», ни земского врача А. П. Чехова.

Мы привыкли понимать под словом «писатель» человека, создающего литературные произведения, а не научные статьи.

И все-таки, как профессии врача и писателя ни далеки друг от друга, между ними существует глубокая связь. Об этом, кстати, лет десять назад напомнил на международном конгрессе врачей в Париже и французский писатель Андре Моруа, увидевший родство этих профессий в том, что «и те и другие относятся к человеческим существам со страстным вниманием; и те и другие забывают о себе ради других людей».

Не потому ли медицина подарила миру много писателей, и среди них таких выдающихся, как Рабле, Шиллер, Чехов, Булгаков?

А одна из врачебных эмблем, предложенная в XVII в. знаменитым голландским врачом Тульпиусом^{1,*} — горящая свеча («светя другим, сгораю сам»²) могла бы стать достойным украшением писательского флага.

В мемуарной и исследовательской литературе о Чехове можно встретить мнение, что врачом он стал по недоразумению, что медицинская деятельность его тяготила, и он постоянно хотел от нее освободиться. Подобные суждения в значительной степени основываются на высказываниях самого Чехова. Но, как справедливо замечает И. Г. Эренбург, в письмах Антона Павловича еще чаще встречаются признания, что ему опротивела литературная работа. Мы же не принимаем их всерьез. Каждому знакомы такие моменты, под влиянием которых вырываются несвойственные нам и не отражающие действительности слова. А в конспективной автобиографии, составленной по случаю пятнадцатилетия окончания университета, Антон Павлович сообщает, что в выборе медицинского факультета он не раскаивается.

В. В. Вересаев — автор знаменитых «Записок врача», поступая в медицинский институт, мечтал стать писателем. Выбор института (уже второго — после окончания историко-филологического факультета университета) был обусловлен, как утверждает Вересаев в своих «Воспоминаниях», стремлением будущего писателя в совершенстве ориентироваться в строении и функции человеческого организма, в здоровых и болезненных состояниях как тела, так и духа.

А. П. Чехов, поступая на медицинский факультет университета, не догадывался об уготованной ему судь-

* См. примечания в конце книги.

бе классика русской литературы. Он должен был получить диплом врача, чтобы зарабатывать хлеб и кормить семью. Вопрос о выборе факультета, по-видимому, был решен на семейном совете еще до отъезда Антона Павловича из Таганрога³ в Москву. Сохранилось письмо к нему матери, в котором она торопит его с приездом: «...Терпенья не достаёт ждать и непременно по медицинскому факультету иди, уважь меня, самое лучшее занятие».

Тон письма и просьба «уважить» мать дают повод думать, что у Антона Павловича имелись на этот счет еще какие-то соображения. Но это только догадка.

Так или иначе, 10 августа 1879 г. он подал заявление на медицинский факультет и был зачислен в Московский университет, со стипендией, как неимущий, от Таганрогской городской управы.

В последующем он с лихвой рассчитался с городской управой, создав у себя на родине в Таганроге первоклассную библиотеку. (впрочем, когда говоришь о родине А. П. Чехова, представляется вся Россия, а не тихий провинциальный городок Таганрог).

Первое знакомство с университетом произвело на Антона Павловича неблагоприятное впечатление. Г. П. Бердников (наш современник, литературовед и биограф писателя) считает, что это настроение запомнилось Антону Павловичу на долгие годы и через 10 лет выплеснулось на страницах «Скучной истории»: «...А вот мрачные, давно не отремонтированные университетские ворота; скачущий дворник в тулупе, метла, куча снега... На свежего мальчика, приехавшего из провинции и воображающего, что храм науки и в самом деле храм, такие ворота не могут произвести здорового впечатления. Вообще ветхость университетских построек, мрачность коридоров, копать стен, унылый вид ступеней, вешалок и скамей в истории русского пессимизма занимают одно

из первых мест по ряду причин предрасполагающих... Вот и наш сад. С тех пор как я был студентом, он, кажется, не стал ни лучше, ни хуже. Я его не люблю. Было бы гораздо умнее, если бы вместо чахоточных лип, желтой акации и редкой стриженной сирени росли тут высокие сосны и хорошие дубы. Студент, настроение которого в большинстве создается обстановкой, на каждом шагу, там, где он учится, должен видеть перед собой только высокое, сильное и изящное... Храни его бог от тощих деревьев, разбитых окон, серых стен и дверей, обитых рваной клеенкой...»

Об учебе А. П. Чехова в университете имеются весьма скудные сведения.

Можно упрекать его друзей и знакомых, не сохранивших для потомков ничего примечательного об этом периоде жизни Чехова. Но в то же время отсутствие этих сведений свидетельствует и о том, что Антон Павлович уже в те годы был человеком чрезвычайно сдержанным. (Через несколько лет он скажет брату Николаю⁴, что воспитанные люди «не болтливы и не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают... Из уважения к чужим ушам они чаще молчат...»)

Однажды — уже на четвертом курсе — Антон Павлович признается брату Александру, что боится сорваться на выпускных экзаменах: «...Отзываются кошке мышкены слезки; так отзывается и мне теперь мое нерадение прошлых лет... Почти все приходится учить с самого начала. Кроме экзаменов (кон, впрочем, еще предстоят только), к моим услугам работа на трупах, клинические занятия с неизбежными гисториями морби, хождение в больницы...»

Думаю, что Антон Павлович слегка бравирует своей неподготовленностью, как это испокон веков было свойственно студентам в общении друг с другом; хотя можно допустить, что в его медицинском образовании имелись пробелы, только вызванные не «нерадением», а на-

пряженным на протяжении всех этих лет журналистским и литературным трудом, постоянной заботой о куске хлеба.

В самом деле, за годы учебы в университете А. П. Чехов (А. Чехонте) подготовил сборник рассказов «Сказки Мельпомены», а всего же на страницах «Стрекозы», «Осколков», «Будильника», «Зрителя», «Мирского толка» и других органов малой прессы им было напечатано столько обзоров, фельетонов, репортажей, очерков и рассказов, что только часть их смогла уместиться в первые два тома собраний сочинений писателя.

Однако все его литературные гонорары уходят, как он выражался, «в утробу» — на пропитание многочисленной семьи, а сам Антон Павлович не имеет даже возможности сменить ветхий серенький сюртук на что-нибудь более приличное.

Но ни в годы учебы, ни позже, никогда в жизни он не позволит себе переложить заботы о матери, отце и сестре на другие плечи, даже имея такое веское основание, как подорванное непосильным трудом и тяжелыми условиями жизни здоровье.

«...Брось я сейчас семью на произвол судьбы, я старался бы найти себе извинение в характере матери, в кровохарканье и проч. Это естественно и извинительно. Такова уже натура человеческая...» — напишет он в марте 1886 г. брату Николаю в известном письме, в котором изложен чеховский кодекс порядочного и воспитанного человека.

И хотя правила адресованы брату, характер которого писатель анатомирует в этом письме, обнажая перед ним слабые и сильные стороны его натуры, сам Антон Павлович давно уже живет по этому кодексу.

О том, в каких условиях Антону Павловичу приходилось готовиться к выпускным экзаменам и заниматься литературным творчеством, можно представить из «сопроводиловки» в редакцию к очередной порции фель-

етонов и рассказов: «...Пишу при самых гнусных условиях. Передо мной моя не литературная работа, хлопающая немилосердно по совести...»

Прервем на минуту цитату. «Не литературная работа»—это медицина, а угрызения совести он периодически будет испытывать то перед медициной, то перед литературой в зависимости от того, чему больше будет уделять времени и сил. Через несколько лет он признается писателю Д. В. Григоровичу⁵: «Поговорка о двух зайцах никому другому не мешала так спать, как мне».

Итак, в каких же все-таки условиях ему приходилось заниматься науками и зарабатывать хлеб свой насущный?

«...В соседней комнате кричит детиныш приехавшего погостить родича, в другой комнате отец читает матери вслух «Запечатленного ангела» ...Кто-то завел шкатулку, и я слышу «Елену Прекрасную» ...Постель моя занята приехавшим сродственником, который то и дело подходит ко мне и заводит речь о медицине. «У дочери, должно быть, резь в животе — оттого и кричит...». Я имею несчастье быть медиком, и нет того индивидуя, который не считал бы нужным «потолковать» со мной о медицине. Кому надоело толковать про медицину, тот заводит речь про литературу. Обстановка бесподобная...»

Это — «фотография» одного дня, а таких дней в году было много.

Однако, несмотря ни на что, Антон Павлович весьма успешно осваивает клинические дисциплины. Подтверждением этому могут служить «кураторские карточки» — те самые «гистории морби», о которых он писал брату Александру.

Один «скорбный лист» — так тогда именовалась история болезни, — обнаруженный в наши дни исследователем И. В. Федоровым в архивах бывшей Ново-Екатерининской больницы, был заполнен Чеховым на шестидесятилетнюю крестьянку, заболевшую крупозной пневмо-

нией и выписанную по выздоровлении. История болезни была составлена в лучших традициях московской медицинской школы, возглавляемой выдающимся терапевтом, профессором Г. А. Захарьиним.

Другой «скорбный лист» пользованного А. П. Чеховым больного, девятнадцатилетнего Александра М., был представлен на зачет в клинику нервных болезней профессору А. Я. Кожевникову, который тоже был учеником Г. А. Захарьина и, следовательно, исповедовал те же принципы определения болезни: установление диагноза — это поиски неизвестного по определенной, научно обоснованной системе расспроса, осмотра и обследования больного.

О том, как Антон Павлович с этим справился, впоследствии рассказывал профессор Г. И. Россолимо — однокашник Чехова по медицинскому факультету, один из основателей отечественной невропатологии, рецензируя эту историю болезни:

«Антон Павлович подошел к своей задаче не как заурядный студент-медик; он правда... нанизал материалы элементарного исследования удивительно гладко и аккуратно, проявив в полной мере все качества добросовестнейшего медика-ученика... Но там, где надо было описать быт и условия жизни пациента, прикоснуться к обыкновенной человеческой жизни, вскрыв ее интимные стороны и дав ее картину, там, где пришлось охарактеризовать болезнь с ее сущностью, условиями развития и течения в то время или в дальнейшем, там чувствуется, что А. П. точно покатило по гладкой дороге, по рельсам, без усилий и без напряжений, видно, как лебедь, поплыл по своей стихии, по гладкой поверхности тихой воды, в отличие от барахтающихся студентов — просто медиков, непривычных к живому изложению возникающих в сознании образов».

Нам остается только добавить, что, анализируя истоки неврастения у молодого человека, Антон Павлович

очень точно подмечает влияние внушения на слабую психику больного, в данном случае—внушения, вызванного чтением медицинской книги, где были указаны возможные, но не обязательные последствия порока, которым страдал юноша («...Больной не замечал этой болезни, ослабления памяти и общей слабости до тех пор, пока не прочитал книги...»).

Через несколько лет в рассказе «Волк» Чехов даст прекрасное описание клиники невроза так называемого навязчивого состояния у сильного и мужественного человека, не дрогнувшего во время схватки с волком, но потерявшего всякое самообладание и выдержку в томительном ожидании у себя признаков бешенства.

«— Доктор! — начал он, задыхаясь и вытирая рукавом пот с бледного, похудевшего лица. — Григорий Иванович! Делайте со мной что хотите, но дальше оставаться я так не могу! Или лечите меня, или отравите, а так не оставляйте! Бога ради! Я сошел с ума!...»

И вот доктор Григорий Иванович Овчинников (заметим, что так же звали друга Чехова — невропатолога Россолимо. Но это, возможно, случайное совпадение, хотя в рассказе «Неприятность», написанном два года спустя, снова действует врач Григорий Иванович Овчинников), хорошо понимающий природу страдания своего пациента, прибегает к испытанному, но верному врачебному приему — пытается переключить внимание больного с этой страшной болезни на менее опасную.

«— Относительно водобоязни я совершенно покоен, а если меня и беспокоит что-нибудь, так это только рана. При вашей небрежности легко может приключиться рожь или что-нибудь вроде...»

Умелого врачебного внушения оказалось достаточно, чтобы вернуть этого человека к жизни: «...Вышел он от Овчинникова веселый, радостный, и казалось даже, что с ним вместе радовались и слезинки, блестящие на его широкой черной бороде...»

Рассказ впервые был напечатан под названием «Водобоязнь» с подзаголовком «Быль» и, действительно, очень напоминает случай из врачебной практики. Антону Павловичу, он, по-видимому, был дорог описанием лунной ночи, которое неоднократно в разных вариантах приводилось им в качестве примера создания общей картины с помощью детали: «...На плотине, залитой светом, не было ни кусочка тени; на середине ее блестело звездой горлышко от разбитой бутылки...»

Сегодня редкая научная работа по иатрогенным заболеваниям, т. е. болезням, возникшим в результате врачебного внушения, обходится без цитаты из записной книжки А. П. Чехова:

«Z идет к доктору, тот выслушивает, находит порок сердца. Z резко меняет образ жизни, принимает строфант, говорит только о болезни — весь город знает, что у него порок сердца; и доктора, к которым он то и дело обращается, находят у него порок сердца. Он не женится, отказывается от любительских спектаклей, не пьет, ходит тихо, чуть дыша. Через 11 лет едет в Москву, отправляется к профессору. Этот находит совершенно здоровое сердце. Z рад, но вернуться к нормальной жизни уже не может, ибо ложиться с курами и тихо ходить он привык, и не говорить о болезни ему уже скучно. Только возненавидел врачей и больше ничего».

Достоверный сюжет этот, к сожалению, изредка повторяется и в наше время, и можно смело утверждать, что он является доподлинной записью истории болезни какого-нибудь Z, попавшего в поле зрения врача и писателя А. П. Чехова.

Не многие знают, что, будучи студентом четвертого курса, Антон Павлович задумал научную работу «История полового авторитета». Мысли об этой неосуществленной работе появились у Чехова под влиянием трудов Чарлза Дарвина, эволюционный метод которого он планировал использовать для изучения взаимоотноше-

ний полов на всех ступенях развития животного мира, от простейших до человека.

Для нас сегодня не то важно, что к решению социальной проблемы взаимоотношений полов в человеческом обществе Чехов хотел подойти с биологическими мерками. Пройдет около десяти лет, и в повести «Дуэль» он осудит идеи социального дарвинизма, высказываемые зоологом фон Кореном. Вот образчик рассуждений зоолога: «...Человеческая культура ослабила и стремится свести к нулю борьбу за существование и подбор; отсюда быстрое размножение слабых и преобладание их над сильными. Вообразите, что вам удалось внушить пчелам гуманные идеи в их неразработанной, рудиментарной форме. Что произойдет от этого? Трутни, которых нужно убивать, останутся в живых, будут съедать мед, развращать и душить пчел — в результате преобладание слабых над сильными и вырождение последних...» А поэтому, коль скоро человечеству грозит опасность со стороны нравственно и физически ненормальных, то их надо либо возвысить до нормы, как считает фон Корен, либо — обезвредить, т. е. уничтожить.

Подобные ницшеанские взгляды на улучшение человеческой породы путем насильственного уничтожения слабых антипатичны врачу и гуманисту А. П. Чехову.

Знакомство с трудами Ч. Дарвина имело первостепенное значение в формировании материалистического мировоззрения писателя. Антон Павлович надолго сохранит интерес к работам великого ученого: «...Читаю Дарвина. Какая роскошь! Я его ужасно люблю», — сообщает он писателю В. В. Билибину в 1886 г.

Знаменательно, что в самой первой своей публикации — в «Письме к ученому соседу» — А. П. Чехов зло высмеивает воинствующих обывателей, выступающих против дарвиновской теории происхождения человека: «...Вы изволили сочинить, что человек произошел от обезьянских племен мартышек, орангуташек и т. п. Про-

стите меня, старичка, но я с Вами касательно этого важного пункта не согласен и могу Вам запятую поставить. Ибо, если бы человек, властитель мира, умнейшее из дыхательных существ, происходил от глупой и невежественной обезьяны, то у него был бы хвост и дикий голос. Если бы мы происходили от обезьян, то нас теперь водили бы по городам Цыганы на показ и мы платили бы деньги за показ друг друга, танцуя по приказу Цыгана или сидя за решеткой в зверинце...»

На последнем курсе университета и в первый год самостоятельной врачебной практики А. П. Чехов принял еще одну попытку научного исследования. На этот раз в области истории медицины.

Работу эту Антон Павлович не афишировал, и только в 1930 г. Н. Ф. Бельчиков случайно натолкнулся в архивах писателя на рукопись под названием «Врачебное дело в России».

Любопытно, что в рассказе «Неприятность», опубликованном в 1888 г. под названием «Житейские мелочи», были такие строки: «...Хорошо также упрятать себя на всю жизнь в келью какого-нибудь монастыря... день и ночь будет он сидеть в башенке с одним окошком, прислушиваться к печальному звону и писать историю медицины в России...»

При редактировании рассказа писатель по каким-то соображениям исключил этот явно автобиографический отрывок.

Судя по перечню литературы (112 названий), которую Чехов собирался использовать в работе, он намеревался изучить врачевание с древнейших времен. Для этих целей Антон Павлович обратился к историческим летописям, фольклорным материалам, книгам по истории России. Так же, как герой его рассказа «Студент», он верил, что прошлое связано с настоящим непрерывной цепью событий, вытекавших одно из другого.

В этой, по сути дела, только начатой работе Антон

Павлович сумел показать, как можно увязать медицину с, казалось бы, далекой от нее историей государства Российского и даже с помощью медицинского диагноза найти ключ к решению одной из увлекательнейших исторических загадок.

«Самозванец не знал падучей болезни, которая была врождена у царевича», — записал он в комментариях к показаниям современников о причинах смерти Дмитрия Угличского.

Чехов, по-видимому, был чрезвычайно горд этим своим открытием и спустя 5 лет рассказал о нем А. С. Суворину⁶: «У настоящего царевича Дмитрия была наследственная падучая, которая была бы и в старости, если бы он остался жив. Стало быть, самозванец был в самом деле самозванцем, т. к. падучей у него не было. Сию Америку открыл врач Чехов».

Хотя диссертация «Врачебное дело в России» так и не была написана, опыт научной работы, приобретенный Чеховым, не пропал даром и пригодился ему при работе над «Сахалином».

Антон Павлович высоко чтит своих учителей и свою alma mater. Через четыре года после окончания университета одно из писем к Д. В. Григоровичу, в котором он рассказывает подробности работы над «Степью», начинается словами: «12 янв. Татьянин день. Университетская годовщина...» И заканчивается: «Сегодня придется много пить за здоровье людей, учивших меня резать трупы и писать рецепты...»

Годы учебы Антона Павловича в университете совпали с периодом бурного расцвета биологии и клинической медицины.

Микробиологи во главе с Луи Пастером, Робертом Кохом и Ильей Ильичом Мечниковым вели наступление на инфекционные болезни. Уже физиолог Иван Михайлович Сеченов распространил понятие рефлекса на душевную жизнь человека, а крылатая фраза из его «Реф-

лексов головного мозга» запоминалась наизусть, как стихотворение: «Смеется ли ребенок при виде игрушки, улыбается ли Гарибальди, когда его гонят за излишнюю любовь к родине, дрожит ли девушка при первой мысли о любви, создает ли Ньютон мировые законы и пишет их на бумаге — везде окончательным фактом является мышечное движение...»

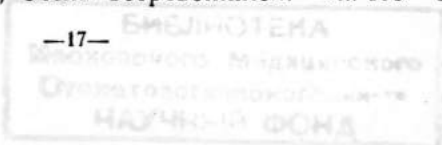
А. П. Чехов глубоко воспринял сеченовскую формулу единства психической и физической сфер человеческой жизни: «...Психические явления поразительно похожи на физические, что не разберешь, где начинаются первые и кончаются вторые? — в унисон с Сеченовым заметит он в одном из писем. — Я думаю, что когда вскрываешь труп, даже у самого заядлого спиритуалиста необходимо явится вопрос: где тут душа?»

54785
Яркая личность И. М. Сеченова должна была привлечь внимание Антона Павловича еще и потому, что Сеченов первым допустил женщин не только к слушанию лекций, но и к научно-исследовательской работе, т. е. явился одним из инициаторов высшего женского образования в России.

Еще прочно возвышалось стройное здание «Целлюлярной патологии», возведенное в середине XIX в. гениальным немецким патологом Рудольфом Вирховом — создателем учения о клетке как материальном субстрате болезни. Но уже в недрах терапевтической школы, возглавляемой С. П. Боткиным, изучались физиологические механизмы, объединяющие разрозненные клетки и органы в неделимый организм.

С. П. Боткин рассматривал медицину в ряду естественных наук и ратовал за врача-естествоиспытателя, основывающего свои заключения на возможно большем количестве строго и научно наблюдаемых фактов.

Антон Павлович был хорошо знаком с его научными трудами и, когда узнал о болезни знаменитого петербургского профессора, очень встревожился: «...Что с

Боткиным? В русской медицине он то же самое, что Тургенев в литературе... (Захарьина я уподобляю Толстому) — по таланту».

Антон Павлович постоянно сравнивал своих учителей в медицине с писателями, перед которыми преклонялся.

Из только что приведенной цитаты заметно, что, как ни высоко он ставит имя С. П. Боткина, все же первое место он отдает Г. А. Захарьину. И это так же неколебимо, как в литературе — Л. Н. Толстому.

По-видимому, бессмысленно выяснять, ошибался ли Чехов в распределении мест на медицинском Олимпе. Каждый из этих ученых сказал свое неповторимое и вехное слово в медицине. Но понять Антона Павловича можно: Боткин жил в Петербурге, и А. П. Чехов знал его только по монографиям и выступлениям в печати, тогда как Г. А. Захарьин оказывал на А. П. Чехова влияние непосредственно с кафедры факультетской терапевтической клиники. Кстати, когда в 1889 г. вышли в свет лекции Г. А. Захарьина, Чехов испытал разочарование: «...Увы! Есть либретто, но нет оперы. Нет той музыки, которую я слышал, когда был студентом...»

«Музыка» захарьинских лекций восхищала многих врачей.

«...Какие дивные лекции мы слышали: все было взвешено, мысль излагалась ясно, глубоко обдуманно; его своеобразная дикция и слог лаконично врезывались в память. Он говорил о данном случае, и вместе с тем мы черпали познания общие по этой болезни... Обладая необычайной памятью, он приводил нам уже бывшие перед нами подобные же случаи и группировал их так, что они стояли перед нашими глазами. Диагноз он ставил так логично, что никаких сомнений у нас не проявлялось... Его лекции бывали переполнены студентами, жаждавшими услышать новое слово науки», — вспоминал ученик Захарьина — профессор Н. Ф. Филатов, создавший отечественную школу детских врачей.

Это был период, когда зарождались новые врачебные дисциплины, и сам Г. А. Захарьин немало способствовал этому.

Однако наряду с С. П. Боткиным он возражал против узкоспециализированного, локального подхода к больному и болезни, учил мыслить по-медицински, т. е. судить по общему, а не по частностям. Кто судит «по частностям, тот отрицает медицину, — писал Антон Павлович. — Боткин же, Захарьин, Вирхов и Пирогов, несомненно, умные и даровитые люди, веруют в медицину, как в бога, потому что выросли до понятия «медицина».

А. П. Чехову как писателю импонировал доведенный Г. А. Захарьиным до совершенства анамнестический метод исследования, заключающийся в тщательном расспросе больного об условиях быта, труда, наследственности — для «постижения связи всех явлений данного болезненного случая».

Именно Г. А. Захарьина и его ближайших учеников, по-видимому, имел в виду герой повести «Скучная история» университетский профессор Николай Степанович, когда говорил: «...Мои товарищи терапевты, когда учат лечить, советуют «индивидуализировать каждый отдельный случай». Нужно послушаться этого совета, чтобы убедиться, что средства, рекомендуемые в учебниках за самые лучшие и вполне пригодные для шаблона, оказываются совершенно негодными в отдельных случаях...»

Когда Г. А. Захарьина упрекали в недооценке новых диагностических приемов и методов исследования, он возражал: «...Сколько раз приходилось мне видеть неудовлетворительную деятельность врачей. Набирает такой врач массу мелочных и ненужных данных и не знает, что с ними делать; истратит свое время и внимание на сбор этих данных и, не пройдя правильной клинической школы, не замечает простых, очевидных и вместе важнейших фактов... Такой врач полагает всю «науку-

ность» своего образа действий в приложении «точных», и, конечно, последних, новейших методов исследования, не понимая, что наука — высшее здравомыслие — не может противоречить простому здравому смыслу».

Я привел эту цитату не только для того, чтобы показать здоровый смысл рассуждений Г. А. Захарьина, но и на случай, если книга эта попадет в руки молодого врача.

Профессор Захарьин был ярким сторонником профилактического направления в медицине. Он любил повторять: «Копят болезнь пудами, а выходит она из человека фунтами». Антон Павлович, конечно, не раз слышал на лекциях это его выражение.

Много позже умирающий писатель в письмах из Баденвейлера переписывал в различных вариациях: «Здоровье мое поправляется, входит пудами, а не золотниками» — и, наверно, грустно улыбался в этот момент, вспоминая, как по-настоящему звучит любимая поговорка его учителя.

Во врачебном мире Г. А. Захарьин был фигурой весьма колоритной. Ходили легенды о баснословных его гонорарах, сочетавшихся с неимоверной скупостью.

«Он возьмет с Вас сто рублей, — писал А. П. Чехов Суворину, — но принесет Вам пользы *minimum* на тысячу. Советы его драгоценны».

Что же касается слухов о скупости профессора, то, как свидетельствует биограф Захарьина А. Г. Лушников, они не соответствуют действительности: он ежегодно выделял крупные суммы в пользу нуждающихся студентов, вносил деньги на строительство водопровода в Черногории, а в 1896 г. пожертвовал полмиллиона рублей на церковно-приходские школы, которые находились в бедственном положении. Большие суммы были истрачены им на организацию Музея изящных искусств при Московском университете (ныне Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина).

Захарьин, далекий от политики, был врачом-гуманистом. На заре своей профессорской деятельности, когда в октябре 1861 г. полиция устроила погром студентов университета, он не остался в стороне, что было отмечено на страницах «Колокола»: «Из профессоров показали участие к судьбе избитых студентов: Ейнбродт и доктор Захарьин, который лишь только узнал, что бьют студентов, прибежал их перевязывать и лечить, почти силою ворвался во двор, где они лежали без чувств, и сделал свое дело...»

А. П. Чехову, ценившему личную независимость и свободу, выдавливавшему из себя, как он писал, по каплям раба, не могла не понравиться эта же черта в характере Г. А. Захарьина, отказавшегося от должности лейбмедика, которую ему предлагали в связи с болезнью императора Александра III.

«Врач должен быть независим не только как поэт, как художник, но выше этого как деятель, которому доверяют самое дорогое — здоровье и жизнь», — говорил Г. А. Захарьин, и, как видим, слова его не расходились с делом.

Эту же мысль высказывает Антон Павлович в «Скучной истории»: «...Чувство свободы и личная инициатива в науке не меньше нужны, чем в искусстве».

В «Скучной истории», к которой мы уже неоднократно обращались, пожалуй, больше, чем в каком-либо другом чеховском произведении использованы университетские «мотивы» биографии писателя.

Знатоки истории отечественной медицины находят несомненное сходство между замечательным русским ученым, основоположником московской школы гистологов Александром Ивановичем Бабухиным и главным героем повести Николаем Степановичем, от лица которого ведутся записки.

Е. Б. Меве предпринял интересное исследование, показавшее совпадение не только фактов биографии, воз-

раста, но и внешних данных и даже болезни героя и прототипа.

По воспоминаниям современников, имя А. И. Бабухина для Москвы значило то же, что М. И. Сеченова — для Петербурга.

«Бабухин, — говорил Г. А. Захарьин, — это талант, сила, свет и красота нашего университета». Так же характеризовал Александра Ивановича другой выдающийся медик, его современник В. Ф. Снегирев: «Наука была его жизнью, и жизнь его была для науки, ни на одну минуту нельзя было его представить вне ее. Он любил ее и она отвечала ему, и жизнь их была нераздельна».

Профессор Николай Степанович — тоже личность незаурядная, а длинный список его друзей украшают такие имена, как Пирогов, Кавелин, Некрасов.

«...Испуская последний вздох, — читаем мы признание этого чеховского персонажа, — я все-таки буду верить, что наука — самое важное, самое прекрасное и нужное в жизни человека, что она всегда была и будет высшим проявлением любви и что только ею одною человек победит природу и себя...»

И все-таки профессор из повести — образ собирательный, точно так же, как и сама история, рассказанная Николаем Степановичем и названная автором «скупной».

«В моем пристрастии к науке, в моем желании жить, в этом сидении на чужой кровати и в стремлении познать самого себя, во всех мыслях, чувствах и понятиях, какие я составляю обо всем, нет чего-то общего, что связывало бы все это в одно целое, — так профессор объясняет причину своего душевного разлада. — Каждое чувство и каждая мысль живут во мне особняком, и во всех моих суждениях о науке, театре, литературе, учениках и во всех картинках, которые рисует мое воображение, даже самый искусный аналитик не найдет того, что называется общей идеей или богом живого человека».

А при отсутствии такой идеи, которая «выше и сильнее всех внешних влияний», достаточно потерять равновесие, чтобы все, в чем человек видел радость и смысл жизни, разлетелось в прах.

На склоне дней своих крупный ученый понял, что жизнь, не освещенная великой целью, прожита напрасно. А его воспитанница — Катя — бросает ему в лицо жестокие слова:

«...А где ваши ученики? Много ли у вас знаменитых ученых? Считайте-ка! А чтобы размножать этих докторов, которые эксплуатируют невежество и наживают сотни тысяч, для этого не нужно быть талантливым и хорошим человеком. Вы лишний...»

Александр Иванович Бабухин не был «лишним» в этой жизни: он воспитал талантливых учеников и оставил после себя достойных наследников. Одним из многочисленных и благодарных учеников выдающегося педагога и ученого был доктор А. П. Чехов.

Но у Антона Павловича были и другие учителя.

«...Сегодня придется много пить за здоровье людей, учивших меня резать трупы и писать рецепты, — сообщает он в Татьянин день писателю Григоровичу. — Вероятно придется пить и за Ваше здоровье, т. к. у нас не проходит ни одна годовщина без того, чтобы пьющие не помянули добром Тургенева, Толстого и Вас...»

ПРОФЕССИЯ У НЕГО БЫЛА БЛАГОРОДНАЯ...

Весной 1884 г. Антон Павлович успешно выдержал выпускные государственные экзамены, которых так боялся.

Давно ждал он этого момента. Чуть ли не за год просил Александра Павловича позаботиться о даче под Таганрогом: «...Врачом приеду и проживу с вами целое лето. Деньги будут, и поживем», — мечтал он.

Но дачу на родине почему-то не снял, а поехал отдыхать в Воскресенск (ныне г. Истра), где уже седьмой год в приходской школе учительствовал брат Иван и у которого обычно летом собиралась семья.

В двух верстах от Воскресенска находилась земская больница, возглавляемая доктором П. А. Архангельским.

Павел Арсентьевич Архангельский был учеником и сподвижником одного из основоположников русской земской медицины Е. А. Осипова⁷.

Земская медицина к моменту получения А. П. Чеховым лекарского паспорта насчитывала двадцатилетнюю историю. Так же, как и сама реформа о земельном самоуправлении, она возникла в результате преобразований, вызванных революционной ситуацией 1859—1861 гг.

Исчерпывающую характеристику этой реформы дал В. И. Ленин: «Земство — кусочек конституции. Пусть так. Но это именно такой кусочек, посредством которого русское «общество» отманывали от конституции. Это — именно такая, сравнительно очень маловажная,

позиция, которую самодержавие уступило растущему демократизму, чтобы сохранить за собой главные позиции, чтобы разделить и разъединить тех, кто требовал преобразований политических»*.

Руководящие посты в земстве захватили дворяне — землевладельцы, бывшие крепостники. Их, естественно, мало заботило здоровье многомиллионных крестьянских масс. На том скудном пайке, на каком содержалась земская медицина, она легко могла умереть, едва появившись на свет, если бы ряды врачей не пополнились лучшими представителями русской разночинной интеллигенции. Они внесли в земское дело, как писал впоследствии выдающийся организатор советского здравоохранения З. П. Соловьев, «и неподдельную любовь, и искреннюю преданность, и горячую убежденность, и упорную энергию — все то, что служит залогом успеха в общественном служении».

Одним из таких бескорыстных и самоотверженных земских врачей и был Павел Арсентьевич Архангельский. К нему в Чикинскую больницу, на временную работу устроился новоиспеченный доктор А. П. Чехов. Они уже были знакомы — летом Антон Павлович здесь проходил студенческую практику — и, несмотря на восьмилетнюю разницу в возрасте, близко сошлись.

«Чикинская больница считалась поставленной образцово, — вспоминает брат писателя Михаил Павлович Чехов, — сам Павел Арсентьевич был очень общительным человеком, и около него всегда собиралась для практики медицинская молодежь, из которой многие потом сделались медицинскими светилами... Часто после многотрудного дня собирались у одинокого Архангельского, создавались вечеринки, на которых говорилось много либерального и обсуждались литературные новинки. Много говорили о Шедрине, Тургеневым зачиты-

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, с. 65.

вались взаимно. Пели хором народные песни, «Укажи мне такую обитель», со вкусом декламировали Некрасова...».

В обстановке скромной деревенской больницы Антон Павлович, естественно, не мог приобрести солидный клинический опыт. Но он получил здесь нечто большее: прошел главную врачебную школу — школу сострадательного отношения к больному и бескорыстного служения общественному благу. Этой школе он останется верен всю свою жизнь.

Особый интерес для нас представляет оценка работы молодого доктора, сделанная его опытным коллегой П. А. Архангельским:

«Антон Павлович производил работу не спеша, иногда в его действиях выражалась как бы неуверенность; но все он делал с вниманием и видимой любовью к делу, особенно с любовью к тому больному, который проходил через его руки. Он всегда терпеливо выслушивал больного, ни при какой усталости не возвышал голоса, хотя бы больной говорил и не относящееся к уяснению болезни... Душевное состояние больного всегда привлекало особое внимание Антона Павловича...»

Одновременно с работой в Чикино А. П. Чехов принял на себя заведование земской больницей в Звенигороде. На этом посту он заменил врача С. П. Успенского — молодого человека из семинаристов, говорившего на «о» и со всеми обращавшегося на «ты».

Михаил Павлович приводит забавную сцену «свадьбы» А. П. Чехова на эту должность:

«— Послушай, Антон Павлов, — обратился он (Успенский.—*Б. Ш.*) к писателю, — я, брат, поеду в отпуск, а заменить меня некем... Послужи, брат, ты за меня. Моя Пелагея будет тебя кормить. И гитара есть...»

А. П. подумал, согласился и, взяв меня с собой, переехал в Звенигород...»

Это был хороший период в жизни Антона Павловича. «Живу с апломбом», — так в свойственной ему шутили-

вой манере оценивает он в одном из писем свое настро-
ение первых недель после окончания университетского
курса. Главная проблема, одолевавшая его не один
год, — чему же все-таки себя посвятить: врачебному де-
лу или писательскому — была решена (во всяком слу-
чае — на время) в пользу медицины. Перед ним, как он
сам говорил, открылась стезя Боткина и Захарьина. В
руках твердая профессия, да и близкие не советуют ме-
нять «настоящее дело на бумагомарание», как позднее
напишет он В. Д. Григоровичу.

Удивительно, что никто из чеховского окружения не
разглядел в его ранних рассказах гениального худож-
ника. В этом смысле примечательно признание его друга
писателя В. А. Гиляровского, что только «Каштанка» и
«Степь» открыли ему глаза на истинное значение Че-
хова.

А. П. Чехов не собирается оставлять литературные
занятия, но на протяжении последующих двух лет будет
уделять им только досуг: несколько часов в день и ку-
сочек ночи. «Медицина, — замечает он, — не адвокату-
ра: не будешь работать, застынешь».

Пока идут переговоры о штатном месте в одной из
клиник Москвы или Петербурга, доктор Чехов работает
в Чикино и Воскресенске. Принимает больных в амбула-
тории (до 30—40 человек в день), ездит на вызовы, а
иногда участвует в судебно-медицинских вскрытиях.

«...Сейчас я приехал с судебно-медицинского вскры-
тия, бывшего в 10 верстах от Воскресенска, — пишет он
Н. А. Лейкину. — Ездил на залихватской тройке купно
с дряхлым, еле дышащим и за ветхостью никуда не год-
ным судебным следователем, маленьким, седеньким и
добрейшим существом, мечтающим уже 25 лет о месте
члена суда. Вскрывал я вместе с судебным врачом на
поле, под зеленую молодого дуба, на проселочной до-
роге...».

Столичные клинические больницы переполнены штат-

ными и сверхштатными ординаторами, работающими бесплатно и подолгу ожидающими вакансии. Пробриться сразу в штатные врачи непросто, и хлопоты Чехова, вероятно, не очень настойчивые, не увенчались успехом.

Он решает попытаться счастья на поприще городского частнопрактикующего врача.

Его письма первых лет после окончания курса университета полны изредка серьезной, а чаще шутливой информации о медицинской практике, которая, как он отмечает в разное время, то наклеивается помаленьку, то налаживается, то подвигается, однако, судя по всему, дохода не приносит.

«...Не так давно лечил одной барышне зуб, не вылечил и получил 5 руб.; лечил монаха от дизентерии, вылечил и получил 1 р.; лечу одну московскую актрису от катара желудка и получил 3 руб. Таковой успех на моем поприще привел меня в такой восторг, что все оные рубли я собрал воедино и отослал их в трактир Банникова, откуда получаю для своего стола водку, пиво и прочие медикаменты»,—посмеивается Чехов.

В другом письме он шутит по поводу своей клиентуры: «...Лечу в аристократических домах. Например, сейчас я иду к графине Келлер лечить... ее повара и к Воейковой — лечить горничную».

Что и говорить, клиентура его нельзя назвать состоятельной, и А. П. Чехов нередко отказывается от положенного ему гонорара.

Рассказывают, что однажды, когда он не взял плату за лечение, благодарная пациентка подарила на память дорогому доктору чернильницу с бронзовой статуэткой. Эпизод этот мог подсказать ему тему юморески о бронзовом канделябре («Произведение искусства»).

То и дело к нему за помощью обращаются родственники, друзья и знакомые. «Иметь у себя в доме врача — большое удобство», — иронизирует по этому поводу Антон Павлович.

Но это не больше, чем шутка.

В. А. Гиляровский вспоминает, как однажды он заболел рожей, сын — скарлатиной, а нянька — сыпным тифом. Лечил их всех друг Гиляровского А. И. Владимиров, только что окончивший университет. Случайно забежал Антон Павлович. «...Он пришел в ужас и стал укорять нас, что не послали за ним, осмотрел няню, сына, проглядел рецепты и остался доволен лечением. Тут вернулся Владимиров, и мы все вместе уговорили Антона Павловича не приходить больше в наш очаг заразы. Суровый Владимиров для убедительности перевел все на профессиональную почву: дескать, лечу я и прошу не мешать. Как будто — уговорили. Не прошло, однако, и двух дней, как Антон Павлович явился опять и затем стал заходить и справляться чуть ли не ежедневно...»

В летние месяцы, когда Чехов выезжает на дачу, он снова работает в Чикино или подменяет в Звенигороде своего товарища — земского врача С. П. Успенского.

«Был занят по горло», — объясняет он Н. А. Лейкину⁸ причину задержки обещанного рассказа. Ему же сообщает, что принял за лето несколько сот больных, а заработал всего один рубль.

Писать Антону Павловичу в этот период приходится с перерывами, а такое писание (Чехов применяет здесь очень точное медицинское сравнение) — «то же самое, что пульс с перебойми».

Об ответственности, с какой Антон Павлович относился к своим врачебным обязанностям, свидетельствует его письмо издателю «Нового времени» А. С. Суворину, предложившему молодому литератору сотрудничать в столичной газете: «...Я врач и занимаюсь медицинской... Не могу я ручаться за то, что завтра меня не оторвут на целый день от стола... Тут риск не написать к сроку и опоздать постоянный...»

И даже в известном письме к одному из старейших русских писателей Д. В. Григоровичу (который оказал-

ся проницательнее многих и сумел разглядеть в Чехове настоящий талант, выдвигающий его «далеко из круга литераторов нового поколения») Антон Павлович напишет, что он «врач и по уши втянулся в свою медицину».

Однако обласканный и ободренный Д. В. Григоровичем, Чехов все больше и больше будет уделять времени и душевных сил литературному творчеству, поняв, что оно является его истинным призванием.

А с медициной он поступит, как в свое время с литературой, выделив для врачебной практики несколько часов в день.

Стетоскоп и докторский молоточек — эти простейшие диагностические инструменты, которые и сегодня не сняты с личного вооружения врача, можно увидеть в доме-музее Антона Павловича рядом с его чернильным прибором. Это — не только экспонаты, символизирующие медицинскую профессию писателя. По свидетельству его сестры Марии Павловны, они всегда лежали на письменном столе Чехова и нередко использовались им по назначению.

А. П. Чехов, подчеркивает большинство его биографов, не сменил одну профессию на другую, как это сделали, например, его великие коллеги-предшественники: профессор медицины в Монпелье Франсуа Рабле и полковой немецкий врач Фридрих Шиллер. Антон Павлович до последних дней своей жизни сохранил тесную связь с врачебной своей профессией.

Летом 1887 г. он снова практикует в Воскресенске, а в последующие два летних сезона — в Сумах под Харьковом, где снимает на берегу Псла флигель в старой барской усадьбе Линтваревых.

Сестры Линтваревы, как и Чехов, — врачи. Старшая тяжело болеет, и Антон Павлович помогает младшей принимать больных на фельдшерском пункте.

Елена Михайловна Линтварева — тихая, застенчивая

женщина, бесконечно добрая и чрезвычайно осторожная с больными. Ей постоянно видятся плохие прогнозы, а в назначении лекарств она нерешительна и прописывает их в гомеопатических дозах.

На консилиумах, устраиваемых двумя молодыми специалистами, они часто спорят. «...Я являюсь благовестником там, где она видит смерть, и удваиваю те дозы, которые она дает...» — отмечает Антон Павлович в одном из писем.

По-видимому, он был «благовестником» не только на этих консилиумах. В 1901 г. он предсказал Сергею Львовичу Толстому благоприятный исход болезни его отца, когда, пожалуй, мало кто верил в это, и не ошибся. Он вселил в больного В. Г. Короленко уверенность, что тот поправится, и оказался прав.

Чехов, которого называли «неисправимым пессимистом», «поэтом мелодии печали» и т. п., на самом деле и в творчестве своем был «благовестником». Это он, стоя на пустынном берегу могучего Енисея, предрекал, что «придет время, когда полная, умная и смелая жизнь осветит... эти берега».

Его уничтожающая критика носит созидательный характер, так как направлена на утверждение высокого призвания человека. А. М. Горький говорил, что бодрое и обнадеживающее пробивается у Чехова «сквозь крошечный ужас жизни».

Рассказы и пьесы его полны тех самых «неизъяснимых предчувствий» грядущего счастья, в которое так искренне верит нищий и неустроенный в жизни Петя Трофимов из «Вишневого сада»: «...Вот оно счастье, вот оно идет, подходит все ближе и ближе, я уже слышу его шаги. И если мы не увидим, не узнаем его, то что за беда? Его увидят другие!»

Пик медицинской деятельности Антона Павловича приходится на мелиховский период его жизни (девяностые годы прошлого столетия) — в то же время один из

наиболее значительных и плодотворных в творческой биографии писателя.

Как это объяснить?

Еще за несколько месяцев до переезда в Мелихово А. П. Чехов делился с Сувориным сокровенными мыслями: «...Если я врач, то мне нужны больные и больница; если я литератор, то мне нужно жить среди народа... Нужен хоть кусочек общественной и политической жизни, хоть маленький кусочек...»

В Мелихово он получил все это с избытком.

Избранный земским гласным, Чехов активно участвует в работе земского собрания, уделяя особое внимание народному здравоохранению и просвещению. Он вникает во все вопросы строительства на селе. Это ему обязано местное население проведением шоссейных дорог от станции Лопасня до Мелихова. На свои деньги он строит школы в Талеже, Новоселках и Мелихове. Антон Павлович сам составляет для них проекты, заключает подряды, покупает строительные материалы, мебель, наглядные пособия.

Существенную часть его общественной жизни составляла врачебная работа.

Профессия врача завоевала ему сердца крестьян, а без этого мы не узнали бы ни «Моей жизни», ни «Мужиков», ни «В овраге».

Свое знакомство с мелиховскими крестьянами, когда к нему явились ходоки, Антон Павлович начал с просьбы, чтобы не звали его барином. «Я не барин, я доктор. Лечить вас буду», — записал со слов крестьян — современников Чехова — директор мелиховского музея Ю. К. Авдеев.

Любопытно, что в документах о приобретении имени у дворянина Н. П. Сорохтина А. П. Чехов выступает не как профессиональный писатель, пользующийся большой известностью в России, а как доктор, и под договором стоит подпись: «Врач А. П. Чехов».

С первых же дней жизни в усадьбе Антон Павлович развернул бурную медицинскую практику.

Его постоянной помощницей — и медицинской сестрой, и ассистентом во время несложных операций, и провизором домашней аптеки — была Мария Павловна, которая потом как очевидец и участник событий расскажет биографам А. П. Чехова о частых выездах за много верст к тяжелобольным, о бесплатном лечении, о регулярных утренних приемах. Усадьба превратилась в амбулаторию, куда пациенты стекались не только из Мелихова, но и из окрестных деревень.

Все это, естественно, утомляло писателя и отрывало его от главных дел. Однако, как вспоминала Мария Павловна, он никогда никому не отказал в помощи, и не было случая, чтобы он высказал вслух сожаление по поводу этой своей добровольной нагрузки.

Медицина способствовала налаживанию добрых отношений Чехова с крестьянами.

«...Мужиков и лавочников я уже забрал в свои руки, победил, — с гордостью отметит Антон Павлович в мае 1892 г. — у одного кровь пошла горлом, другой руку деревом ушиб, у третьего девочка заболела... Оказалось, что без меня хоть в петлю полезай. Кланяются мне почтительно, как немцы пастору, а я с ними ласков — и все идет хорошо».

Чехов отстаивает интересы крестьян в земстве. Только благодаря его вмешательству было запрещено строительство кожевенного предприятия на речке Люторке, откуда окрестное население брало воду.

О губительном влиянии этих предприятий на окружающую природу и здоровье человека Чехов расскажет в повести «В овраге». Описание села Уклеево, по меткому выражению Ю. К. Авдеева, похоже на санитарный отчет земству: «...В нем (селе. — Б. Ш.) не переводилась лихорадка и была топкая грязь даже летом, особенно под заборами, над которыми сгибались старые вербы,

дававшие широкую тень. Здесь всегда пахло фабричными отбросами и уксусной кислотой, которую употребляли при выделке ситцев. Фабрики — три ситцевых и одна кожевенная — находились не в самом селе, а на краю и поодаль. Это были небольшие фабрики, и на всех их было занято около четырехсот рабочих, не больше. От кожевенной фабрики вода в речке часто становилась вонючей; отбросы заражали луг, крестьянский скот страдал от сибирской язвы, и фабрику приказано было закрыть. Она считалась закрытой, но работала тайно, с ведома станового пристава и уездного врача, которым владелец платил по десяти рублей в месяц...»

Рассказы мелиховских крестьян о Чехове начали записываться еще при жизни писателя.

«Приблизительно за год до того, как я познакомилась с семьей Чеховых, я направилась навестить мою бывшую кормилицу, жившую в деревне близ станции Лопасня, — вспоминает Т. Л. Щепкина-Куперник. — Она оказалась больна, как тогда говорили, чахоткою. Я очень встревожилась и стала допрашивать, есть ли там доктор, есть ли у него лекарства, и она ответила мне: «Не бойся, родимая, дохтур у нас тут такой, что и в Москве не сыщешь лучше. Верст за шесть живет. Антон Павлович. Уж такой желанный, такой желанный — он и лекарства мне все сам дает».

Только позднее, познакомившись с Чеховым и попав в Мелихово, я поняла, кто был этот «желанный» Антон Павлович...»

Любопытные высказывания зажиточного крестьянина о Чехове оставил писатель Н. Д. Телешов:

«— ...Чудак-человек!.. Бестолковый!.. Ну, скажи, хорошо ли: жену мою, старуху, ездил лечить — вылечил. Потом я захворал — меня лечил. Даю денег, а он не берет. Говорю: «Антон Павлыч, милый, что же ты делаешь? Чем жить-то будешь? Человек ты не глупый, дело свое понимаешь, а денег не берешь, чем тебе жить-то?»

Говорю «Подумай о себе: куда ты пойдешь, если, не ровен час, от службы тебе откажут?.. Куда денешься с пустыми-то руками?.. Смеется и больше ничего.

«Если, — говорит, — меня с места прогонят, я тогда возьму и женюсь на купчихе». — «Да кто, — говорю, — за тебя пойдет, если ты без места окажешься?» Опять смеется, точно не про него разговор.

Старик рассказывал, а сам крутил головой и вздыхал, а то по-хорошему улыбался. Видно было, что он искренне уважает своего «бестолкового» доктора, только не одобряет его поведения...»

О том, что эти воспоминания соответствуют действительности, свидетельствует одно из писем самого Антона Павловича:

«...Ходил в деревню к чернобородому мужику с воспалением легкого. Возвращался полем. По деревне я прохожу не часто, и бабы встречают меня приветливо и ласково, как юродивого. Каждая наперерыв старается проводить, предостеречь насчет канавы, посетовать на грязь или отогнать собаку...»

Застенчивый и скромный в оценке собственной личности, он и здесь не удержался от шутки, сравнив себя с юродивым.

Шарль де Бос, как свидетельствует А. Моруа, расставляя книги на полке по принципу единства мышления, говорил: «Чтобы правильно определить положение Чехова, нужно найти термин, равнозначный мудрецу и святому».

Желание служить доброму делу было у Чехова желанием души, самым естественным его желанием, условием его личного счастья — и непосредственным образом проявлялось в его медицинской деятельности.

1892 г. — год приобретения А. П. Чеховым мелиховской усадьбы совпал со страшной эпидемией холеры, распространявшейся с юга на Центральную Россию.

Казалось, сама судьба посылала Серпуховской зем-

ской управе, так бедной врачебными кадрами (на врача приходилось около 20 тысяч населения!), еще одного доктора, который к тому же наотрез отказался от компенсации за работу.

Сохранилось письмо председателя земской управы, подтверждающее, что А. П. Чехов добровольно принял на себя обязанности санитарного врача:

«М. Г. Антон Павлович!

Кн. С. И. Шаховской довел до сведения Серпуховского Санитарного Совета письмо Ваше, выражающее готовность послужить земству в случае появления холерной эпидемии в Серпуховском уезде. Выслушав это желание Ваше прийти на помощь в трудную минуту борьбы с страшной угрожающей нам опасностью, Серпуховский Санитарный Совет просил меня выразить Вам за такое столь ценное для нас предложение искреннюю и глубокую благодарность...»

Поскольку в этот период Антон Павлович вынужден был прекратить всякую литературную деятельность, то наряду с эпидемией холеры ожидал у себя в Мелихово, как он выражался, и другую эпидемическую болезнь — безденежье.

«...От содержания я отказался, дабы сохранить себе хоть маленькую свободу действий», — объяснял он А. С. Суворину.

Однако о какой «свободе действий» может идти речь, если он считает себя мобилизованным, уехать никуда не может, не имеет ни времени, ни сил сесть за письменный стол и в полной мере (даже сверх того) исполняет все функции участкового врача?

Надо полагать (и так считает большинство биографов Чехова), что он отказался от материального содержания лишь потому, что рассматривал свою врачебную работу как работу общественную, как тот маленький «кусочек политической и общественной жизни», об отсутствии которой он сожалел несколько месяцев назад.

Холера приближается к Московской губернии, и Антон Павлович «на всех парах» организует медицинское обеспечение своего участка, в состав которого входит 25 деревень, 4 фабрики и 1 монастырь.

Создавать приходится на голом месте и при отсутствии каких-либо средств.

С горькой иронией он восхищается своими способностями: «Оказался я превосходным нищим; благодаря моему нищенскому красноречию мой участок имеет теперь 2 превосходных барака со всей обстановкой и барачков пять не превосходных, а скверных. Я избавил земство даже от расходов по дезинфекции. Известь, купорос и всякую пахучую дрянью я выпросил у фабрикантов на все свои 25 деревень...»

Готовясь к схватке с холерой, Антон Павлович изучает историю предыдущих эпидемий в Серпуховском уезде.

«...В 1848 г. в моем участке была холера жестокая; рассчитываем, что и теперь она будет не слабее...» — сообщает он Н. А. Лейкину.

В эпидемию, о которой упоминает А. П. Чехов, из 377 деревень Серпуховского уезда очаги инфекции вспыхнули почти в 300 селениях и унесли более 4000 жизней.

«...Мы, уездные лекаря, приготовились, — записывает Антон Павлович, когда были проведены основные противоэпидемические мероприятия, — программа действий у нас определенная, и есть основания думать, что в своих районах мы понизим процент смертности от холеры. Помощников у нас нет, придется быть и врачом и санитарным служителем в одно и то же время; мужики грубы, нечистоплотны, недоверчивы; но мысль, что наши труды не пропадут даром, делает все это почти незаметным...»

Стоит сравнить это письмо с размышлениями Ольги в финале «Мужиков» («...Они грубы, не честны, грязны,

не трезвы, живут несогласно... Да, жить с ними было страшно, но все же они люди, они страдают и плачут как люди...»), чтобы убедиться, что эта его повесть — одна из самых беспощадно-правдивых и сильных в творчестве Антона Павловича, не только густо настоена на жизненном опыте земского врача Чехова, но и выстрадана им.

А. П. Чехов не ошибся: бескорыстный и упорный труд земских врачей принес ожидаемые результаты. В эпидемию 1892 г. в Серпуховском уезде было зарегистрировано всего 14 случаев заболевания с четырьмя смертельными исходами, а очаги инфекции были быстро локализованы. И произошло это не потому, что холера стала добрее и слабее, а благодаря той огромной работе, которую проделали земские врачи Серпуховского уезда, включая доктора А. П. Чехова.

«...В доброе старое время, когда заболели и умирали тысячами, не могли и мечтать о тех поразительных победах, какие совершаются теперь на наших глазах. Жаль, что Вы не врач и не можете разделить со мной удовольствия, т. е. достаточно прочувствовать и сознать и оценить все, что делается...» — писал он на курорт в Биарриц сбежавшему от холеры А. С. Суворину.

Когда эпидемия холеры отступит и Антон Павлович сложит с себя официальные полномочия участкового врача, он с удовольствием будет вспоминать прошедшее лето.

Несмотря на невероятные затраты сил, на отсутствие помощников, на разбитые дороги, на плохих лошадей и экипаж, нездоровье и безденежье, он напишет: «...Ни одно лето не проводил так хорошо, как это... Мне нравилось и хотелось жить... Завелись новые знакомства и новые отношения. Прежние наши страхи перед мужиками кажутся теперь нелепостью. Служил я в земстве, заседал в Санитарном совете, ездил по фабрикам — и это мне нравилось. Меня уже считают своим...»

Своим его считают в первую очередь врачи и окрестные крестьяне.

Бок о бок с Антоном Павловичем в Белопесочной волости того же Серпуховского уезда воюет с холерой его старая знакомая, «уважаемый товарищ» Елена Михайловна Линтварева.

Руководит земской медициной в Серпуховском уезде его коллега еще по Чикинской больнице, самый талантливый ученик Е. А. Осипова — П. И. Куркин⁹, дружеские отношения с которым у Антона Павловича сохраняются на всю жизнь.

Он тесно сойдется и с другими врачами — И. И. Орловым, Д. Н. Жбанковым, И. Г. Витте, Н. И. Невским, В. А. Павловской, с директором губернской земской психиатрической больницы, расположенной в 17 верстах от Мелихово, доктором В. И. Яковенко и другими.

«..Земцы здесь интеллигентны, товарищи дельные и знающие люди...» — скажет он о них. И это в его устах самая высокая оценка.

«...Поразительно вспомнить, — писал П. И. Куркин, — до какой степени серьезно и интимно вошел Антон Павлович в профессиональные интересы практического общественного работника, каким является у нас участковый врач...»

Говоря это, Петр Иванович упускает из вида, что Чехов был подготовлен к подобной работе еще с тех пор, когда впервые в Чикинской больнице у П. А. Архангельского надел на себя красную рубаху земского врача. (В одном из писем 1885 г. Антон Павлович просит своего товарища И. Г. Розанова привести забытую им в Звенигородской больнице красную рубаху).

Цвет рубахи имеет символическое значение. Недаром в его раннем рассказе «Не судьба!» несостоявшийся председатель земской управы, помещик и махровый реакционер Шилохвостов, прямо заявляет: «...Чуть замечу, что который из учителей пьяница и социалист — айда,

брат! Чтоб и духу твоего не было! У меня, брат, земские доктора не посмеют в красных рубахах ходить!...»

Дело, конечно, не в рубахе, а в том, что деятельность земских врачей, провозгласивших принцип бесплатной медицинской помощи многомиллионному крестьянскому населению России, вошла в противоречие с существующим частнособственническим строем. Недавно министр внутренних дел В. К. Плеве назвал земских служащих «микробами общественного скандала».

На следующий год снова пришлось предпринять исключительные меры, чтобы погасить новую эпидемию холеры, и снова доктор А. П. Чехов, по словам П. И. Куркина, «встал под ружье».

«...Лето в общем было не веселое... Я опять участковый врач и опять ловлю за хвост холеру, лечу амбулаторных, посещаю пункты и разъезжаю по злачным местам...».

Больных, как и прошлым летом, через руки Антона Павловича прошло более тысячи, и он нередко даже не успевает заводить на них карточки.

В медицинском отчете, направленном земству, он чересчур самокритично укажет, что амбулаторным больным уделял внимания недостаточно из-за частых разъездов по участку и «собственных занятий, от которых... не мог отказаться».

«Собственные занятия» — литературный труд, который он не оставляет и в эти напряженные дни.

Кстати, докладывая санитарному начальству об особенностях медицинского обслуживания на его участке, Антон Павлович укажет только на те трудности, которые испытывают больные, а не он, доктор: «...В половодье и осенью в бездорожье все пункты моего участка, за исключением двух-трех, бывают совершенно или почти отрезаны от больниц, а фабрики моего участка, присоединившиеся к земской медицинской организации, за дальностью расстояния пользуются медицинской помо-

щью далеко не в том размере, на какой они по праву могли бы рассчитывать...»

«...Бывают дни, — писал он Суворину, — когда мне приходится выезжать из дому раза четыре или пять. Вернешься из Крюкова, а во дворе уже дожидается посланный из Васькина. И бабы с младенцами одолели».

В письмах этой поры нередко слышится раздражение, усталость, а иногда — просто крик отчаяния:

«...Душа моя утомлена. Скучно. Не принадлежать себе, думать только о поносах, вздрагивать по ночам от собачьего лая и стука в ворота (не за мной ли приехали?), ездить на отвратительных лошадях по неведомым дорогам и читать только про холеру и ждать только холеры...»

Однако на основании этого и подобных высказываний Антона Павловича делать вывод, что он разочарован в медицине и практической работе, по меньшей мере несправедливо. Ведь еще через два месяца по поводу этих событий он напишет тому же адресату: «Летом трудно жилось, но теперь мне кажется, что ни одно лето я не проводил так хорошо, как это».

Замечательный доктор Астров, которого трудно обвинить в нелюбви к больным или к своей профессии, откровенно раскрывает перед старой нянькой понятные любому человеку и вполне оправданные переживания: «...От утра до ночи все на ногах, покою не знаю, а ночью лежишь под одеялом и боишься, как бы к больному не потащили. За все время, пока мы с тобой знакомы, у меня ни одного дня не было свободного...»

Правда, в свое время (1905 г.) Г. П. Задера в серии статей обрушился на чеховских врачей, в том числе на доктора Астрова, именно за это признание, в пылу полемики расценив эти слова как отказ врача оказывать помощь нуждающимся.

По-видимому, было бы противоестественно, если бы неожиданный вызов к больному, да еще по дальней до-

роге в непогоду и ночью воспринимался бы врачом как приглашение к легкой и приятной прогулке.

Занимаясь медицинской деятельностью, Антон Павлович вел обычную жизнь врача-труженика, врача-подвижника.

Сколько раз, когда он, не чувствуя страха, «ловил за хвост холеру» или спешил на вызов к ребенку, больному дифтерией, или считал пульс у тифозного больного — сколько раз он рисковал собственной жизнью, совершенно не думая о себе.

Это сказано не ради красного словца. Подтверждение тому можно найти в «Записках врача» В. В. Вересаева, в которых он приводит страшные статистические данные: от заразных болезней умирало около шестидесяти процентов земских врачей; в 1892 году половина всех умерших земских врачей погибла от сыпного тифа.

Чехов не только рисковал собственной жизнью, но и сокращал ее, потому что нес эту невероятную нагрузку тяжело больной человек, которому самому требовались покой и лечение.

ВЕРИЛ ОН В МЕДИЦИНУ ТВЕРДО И КРЕПКО...

Чехов любил свою медицину, дорожил и гордился званием врача.

По свидетельству многих его современников, он близко к сердцу принимал сомнения в его врачебных достоинствах:

«...Когда-нибудь убедятся, что я, ей-богу, хороший медик», — заметил он в беседе с братом одного из основателей Московского художественного театра, писателем Василием Ивановичем. Немировичем-Данченко. И это при той исключительной скромности, которая отличала Чехова!

«Ты думаешь, я плохой доктор? — спрашивает он у В. А. Гиляровского и в свойственной ему манере заканчивает иронически: — Полицейская Москва меня признает за доктора, а не за писателя, значит, я доктор. Во «Всей Москве» (справочном издании того времени. — *Б. Ш.*) напечатано: «Чехов Антон Павлович. Малая Дмитровка. Дом Пешкова. Практикующий врач». Так и написано: не писатель, а врач...»

Вызванное резким ухудшением здоровья в 1897 г. прекращение регулярной медицинской практики было для него, как он признавался, крупным лишением.

Однако и после этого он не переставал чувствовать себя врачом, щедро раздавая своим друзьям и знакомым медицинские советы.

«...Зачем Вы все болеете? Отчего не полечитесь серь-

езно? — спрашивает он актрису Веру Федоровну Комиссаржевскую. — Ведь болезни, особенно женские, портят настроение, портят жизнь, мешают работать. Я ведь доктор, я знаю, что это за штуки...».

По многу месяцев лечась в Ялте от туберкулеза, он подсказывает своим петербургским и московским коллегам, плохо знающим крымские условия, когда туда следует направлять туберкулезных больных.

Однажды, когда М. Горький предложил Антону Павловичу поехать с ним в Китай, корреспондентом — освещать ход боксерского восстания, Чехов ответил, что если война затянется, он поедет, но только не в качестве журналиста и писателя, а врачом, военным врачом. В его переписке несколько раз встречается упоминание о возможной войне, и каждый раз Чехов заявляет, что если она состоится, то он поедет не сражаться, а лечить.

Когда Российская академия наук избрала его почетным членом, он написал жене Ольге Леонардовне Книппер, актрисе МХТ: «...Хотел я сначала сделать тебя женою почетного академика, но потом решил, что быть женою лекаря куда приятнее...».

Даже за четыре месяца до смерти прикованный к постели писатель не перестает напоминать, что он был и остается врачом:

«...Как я тебе уже говорил, я врач, я друг Женских медицинских курсов. Когда был объявлен «Вишневый сад», то курсистки обратились ко мне с просьбой, как к врачу, — устроить для их вспомогательного общества один спектакль: бедность у них страшная, масса уволенных за невзнос платы и проч. и проч.», — пишет он О. Л. Книппер-Чеховой.

Врач «выглядывает» из многих его рассказов и очерков, даже не имеющих никакого отношения к медицинской тематике. Увидеть врача часто помогает отношение к предметам, к их сущности, нередко выраженной точным сравнением, почерпнутым из врачебного опыта.

Так, в путевом очерке «Из Сибири» он остроумно сравнивает первоклассного кузнеца, осматривающего сломанный тарантас, с хорошим врачом-практиком, которому скучно лечить неинтересную болезнь. О тунейце, живущем за счет женщины, он говорит, что это был «нарост вроде саркомы, который истощал ее совершенно». Даже кляксы у него на бумаге — вовсе не кляксы, а следы коховских запятых, микрококков и другой нечисти, свивших гнездо в его чернильнице. И еще — сказать о самых близких людях, что они ему дороги, как больные, которых он вылечил, мог только настоящий врач.

А. И. Куприн, близко знавший Антона Павловича в последние годы его жизни, в статье, посвященной памяти своего учителя и старшего друга, писал: «...Если бы Чехов не был таким замечательным писателем, он был бы прекрасным врачом. Доктора, приглашавшие его изредка на консультации, отзывались о нем, как о чрезвычайно вдумчивом наблюдателе и находчивом, проницательном диагносте...».

То же самое и почти теми же словами писали о Чехове и профессор Г. И. Россолимо, и земский врач П. И. Куркин, и профессор-юрист М. М. Ковалевский и многие другие. Однако не все согласны с этим очевидным и логичным мнением. Так, например, его оспаривает В. В. Хижняков, выпустивший в 1947 г. работу «Антон Павлович Чехов как врач».

Хижняков берет под сомнение достоверность высказываний Александра Ивановича Куприна, осылаясь на воспоминания врача И. Н. Альтшуллера, постоянно лечившего Чехова в Ялте.

Альтшуллер указывает, что только в первый год пребывания в Ялте были у Чехова отдельные случаи медицинской практики и что один только раз он принимал участие в консилиуме у постели больного.

Но И. Н. Альтшуллер написал свои воспоминания

в 1914 г. и мог кое-что позабыть, тогда как очерк Куприна, был опубликован в 1905 г. При этом Куприн-литератор «изучал» Чехова, если можно так выразиться, и находился в более выгодном положении: перед Альтшуллером Антон Павлович выступал в роли беспомощного и послушного пациента, но никак не врача.

Чехов постоянно следил за новейшей медицинской литературой и, самое главное, обладал проницательным взглядом всевидящего художника.

«...Он видел и слышал в человеке — в его лице, голосе и походке — то, что было скрыто от других, что не поддавалось, ускользало от глаза среднего наблюдателя, — так объясняет секреты врачебного искусства Чехова А. И. Куприн. — Верил он в медицину твердо и крепко, и ничто не могло пошатнуть эту веру. Помню я, как однажды он рассердился, когда кто-то начал свысока третировать медицину по роману Золя¹⁰ — «Доктор Паскаль».

— Золя ваш ничего не понимает и все выдумывает у себя в кабинете, — сказал он, волнуясь и покашливая. — Пусть бы он поехал и посмотрел, как работают наши земские врачи и что они делают для народа...»

В цепкости купринской памяти сомневаться не приходится, потому что аналогичное высказывание Антона Павловича о романе Э. Золя можно найти в его письме А. С. Суворину, опубликованному значительно позже очерка А. И. Куприна.

Чехов знал медицинский мир, как говорится, из первых рук. По глубоко виноватому виду и поведению Елены Михайловны Линтваревой, когда она на медицинском пункте беседует с молодой крестьянкой, страдающей неизлечимой злокачественной опухолью, он словно читает, что творится в этот момент в душе доктора.

Он и сам тяжело переживает подобные ситуации.

Два года назад у него на глазах умерли от тифа мать и сестра знакомого художника. Антон Павлович, безвылазно просидевший около их постели несколько суток, в отчаянии, вернувшись домой, сорвал с двери врачебную вывеску — решил отказаться от практики.

Вывеску после этого случая он так и не повесил, однако приема больных не прекратил.

«...У врачей бывают отвратительные дни и часы, не дай бог никому этого, — не только по наблюдениям, но и на основании собственного опыта через несколько лет напишет он Суворину и еще раз повторит: — ...Те отвратительные часы и дни, о которых я говорю, бывают только у врачей, и за сие, говоря по совести, многое простить должно...»

Антон Павлович был тесно связан с многими врачами не только общим делом и службой в земстве, но и личным общением, перепиской. Среди его адресатов можно насчитать около 100 человек медицинской профессии, а сколько врачей писало Чехову, откликаясь на его рассказы и пьесы, сколько их обращалось к нему за советом и помощью!

Антон Павлович органически не выносил необоснованных нападок на врачей и не спускал их даже своему кумиру — Л. Н. Толстому, о котором говорил, что ни одного человека на земле не любит, как его, и что без Толстого у него в жизни образовалось бы «большое пустое место».

В необычном для Чехова сердитом тоне он выговаривает писательнице Е. М. Шаровой, в рассказе которой врачи не соблюдают элементарных профессиональных правил: разглашают врачебную тайну и бездушно относятся к парализованному больному.

В другой раз этой же писательнице досталось от Антона Павловича за поклев на врачей-гинекологов, которых она изображает людьми циничными и аморальными. Чехов приводит ей в пример своего университетского

профессора по курсу женских болезней В. Ф. Снегирева, который о русской женщине говорит возвышенно, «не иначе, как с дрожью в голосе».

Выступая в защиту врачей, А. П. Чехов, однако, далек от стремления во что бы то ни стало защитить честь мундира и не разделяет взглядов прозектора Петра Игнатьевича из «Скучной истории», по глубокому убеждению которого «самая лучшая наука — медицина, самые лучшие люди — врачи, самые лучшие традиции — медицинские».

Чехов предостаточно видел среди врачей и невежд, и хамов, как и среди людей других профессий. И хотя он считает, что за те «отвратительные часы и дни», которые бывают только у врачей, им многое простить можно, не склонен прощать такого порока, как стяжательство.

Антону Павловичу близки и понятны принципы общественной медицины, развиваемые Е. А. Осиповым, по которым полностью исключаются денежные отношения между больным и врачом. Оказывая медицинскую помощь, врач получает материальное обеспечение от земской управы.

Не так давно, читая воспоминания крупнейшего французского хирурга Рене Лериша, я натолкнулся на фразу, которую не сразу понял: «...хирург живет хирургией. Тяжелая необходимость», — пишет Лериш.

Я удивился — я тоже являюсь хирургом и тоже живу хирургией, то есть все мои мысли и переживания — о больном, которого только что оперировал.

Лишь дочитав абзац, я понял, что автор имел в виду:

«Насколько лучше чувствуешь себя перед самим собой, когда можешь дать царственный подарок — здоровье, отдавая только себя без того, чтобы дар был оплачен...»

Сегодня в нашей стране врачи и больные, к великому взаимному счастью, лишены необходимости продавать и покупать здоровье.

На протяжении всего своего творческого пути Антон Павлович будет развивать образ врача-стяжателя, считающего купюры, чтобы, наконец, заклеить его в ставшем нарицательным имени Ионыч.

«...Мой папа был доктором, а доктора одним осязанием угадывают качество бумажки», — иронизирует он в фельетоне «На магнетическом сеансе».

«...Ну что может быть приятнее, когда стоишь этак с глазу на глаз с обывателем и вдруг чувствуешь на ладони некоторое бумажное, так сказать, соприкосновение... Так и бегают по жилам искры, когда в кулаке бумаженцию чувствуешь...» — откровенничает становой, которого по этой фразе публика в вагоне принимает за доктора («В вагоне»).

В записной книжке Антона Павловича есть такая заметка: «Торгово-промышленная медицина» — и больше ничего не сказано.

Словосочетание это, наверно, обратило внимание писателя своей противоположенностью: медицина может быть только человеческой.

Эта фраза заставила меня вспомнить доктора Нещипова из рассказа «В родном углу», который когда-то был врачом, но потом взял на заводе пай и теперь, хотя и продолжает заниматься практикой, не считает ее своим главным делом.

Врач-предприниматель, врач-фабрикант — разве это не противоестественно?

Но ведь не менее противоестественно широко распространенное явление, когда врач ставит целью своей жизни накопление капитала за счет пациентов.

Страсть к стяжательству — это порок не столько личности, сколько общества, построенного на принципе купли-продажи. Даже сильные, незаурядные натуры порой бывают неспособны устоять перед развращающим влиянием капитала. Примером этого может послужить превращение молодого и способного доктора Дмитрия Ио-

ныча Старцева в зловещую фигуру «языческого бога», поклоняющегося только золотому тельцу.

Образ доктора Старцева представляется мне дальнейшим развитием и углублением образа доктора Топоркова из раннего рассказа «Цветы запоздалые».

У них много общего. Оба — выходцы из народа и сами пробили себе дорогу. Они знают свое дело и готовы работать день и ночь. Но больше всего объединяет их дух стяжательства. Вот Топорков получает гонорар: «...Не конфузясь и не опуская глаз, он помочил во рту палец и чуть слышно сосчитал кредитные билеты. Он насчитал двенадцать двадцатирублевых... По лицу Топоркова пробежала светлая тучка...»

За тем же занятием застаем Ионыча: «...Было у него еще одно развлечение, в которое он втянулся незаметно, мало-помалу, это — по вечерам вынимать из карманов бумажки, добытые практикой, и, случалось, бумажек — желтых и зеленых, от которых пахло духами, и уксусом, и ладаном, и ворванью, — было напихано во все карманы рублей на семьдесят; и когда собиралось несколько сот, он отвозил в Общество взаимного кредита и клал там на текущий счет...»

В Топоркова влюбляется экзальтированная барышня — разоренная княжна Маруся Приклонская.

«— Удивительный человек, всемогущий человек! — говорит она о докторе. — Как всемогуще его искусство!.. Какой высокий подвиг: бороться с природой и победить...»

Примерно то же думает о Старцеве влюбленная в него девушка: «...Какое это счастье быть земским врачом, помогать страдальцам, служить народу. Какое счастье!»

Доктор Топорков отвечает на любовь Маруси Приклонской лишь когда у нее развивается чахотка. Конец рассказа мелодраматичен: Топорков устанавливает диагноз и, оставив мысль о выгодной женитьбе на другой женщине, увозит ее на юг Франции, где она умирает.

В «Ионыче», при описании чтения Верой Иосифов-ной Туркиной избранному губернскому обществу своего романа о молодой красивой графине, которая устраивала школы, больницы, библиотеки и в довершение к тому полюбила странствующего художника, Чехов сделал ироническую ремарку: «читала о том, чего никогда не бывает в жизни... и все-таки слушать было приятно», и при этом, возможно, вспомнил свой рассказ шестнадцатилетней давности.

Высокие чувства — не для топорковых и старцевых, и в «Ионыче» писатель исправляет эту ошибку.

Подобно своим учителям — С. П. Боткину, А. Г. Захарьину, Н. И. Пирогову — А. П. Чехов свято верил в медицину и считал, что все другие, ненаучные способы лечения болезней являются шарлатанством.

Он резко выступает против земских либеральных деятелей, которые в порядке благотворительности берутся оказывать медицинскую помощь крестьянам.

«...Лечить мужиков, не будучи врачом, значит обманывать их», — говорит художник в повести «Дом с мезонином», и его мысли полностью совпадают с мнением писателя.

Гомеопатия, спиритизм, магнетизм, знахарство — для Антона Павловича понятия почти однозначные.

Когда он хочет дать отрицательную характеристику человеку, то пишет: «...Он ничего не делал, ничего не умел, был какой-то квелый, точно сделанный из пареной репы; лечил мужиков гомеопатией и занимался спиритизмом».

И хотя помещик Котлевич из «Ариадны», к которому относятся вышеприведенные слова, был человеком деликатным и неглупым, у рассказчика, а вместе с ним и у автора, «не лежит душа к этим господам, которые беседуют с духами и лечат баб магнетизмом...»

Еще печальнее, когда на этом же уровне находятся знания дипломированного врача.

2

Малограмотный доктор, каким бы он ни был добрым человеком, выглядит жалким, беспомощным и опустившимся, как Иван Романович Чебутыкин — военный врач из «Трех сестер», не прочитавший по окончании университета ни одной книжки.

«...Думают, что я доктор, умею лечить всякие болезни, а я не знаю решительно ничего, все позабыл, что знал, ничего не помню, решительно ничего...—будучи нетрезвым, исповедуется он перед своей совестью. — ...В прошлую среду лечил на засыпи женщину — умерла, и я виноват, что она умерла. Да... Кое-что знал лет двадцать пять назад, а теперь ничего не помню. Ничего... О, если бы не существовать!... Третьего дня разговор в клубе; говорят, Шекспир, Вольтер... Я не читал, совсем не читал, а на лице своем показал, будто читал. И другие тоже; как я. Пошлость! Низость! И та женщина, что уморил в среду, вспомнилась... и все вспомнилось, и стало на душе криво, гадко, мерзко... пошел... запил...»

О том, как тяжело переживал Чехов малограмотность и невежество многих своих коллег, свидетельствуют и его слова, обращенные к А. М. Горькому: «Доктор, если он имеет практику, перестает следить за наукой, ничего, кроме «Новостей терапии», не читает, и в 40 лет серьезно убежден, что все болезни простудного происхождения...»

Если бы А. П. Чехов в своем творчестве ограничился только всеми этими Чебутыкиными, Ионычами, Свистичкиными, Шелестовыми, Белавинами, то можно было бы согласиться с мнением Г. П. Задеры — участника одной из дискуссий, развернувшейся вокруг чеховских врачей вскоре после смерти писателя, что врачебное сословие выродилось и находится на краю бездны.

Однако Чехов видел и других врачей — бескорыстных, интеллигентных, дельных и знающих — писал об их нелегкой жизни, ничего не приукрашивая.

Когда один из персонажей его пьесы «Чайка» выска-

зывает предположение, что у доктора Дорна «денег куры не клюют», тот отвечает: «За тридцать лет практики, когда я не принадлежал себе ни днем, ни ночью, мне удалось скопить только две тысячи, да и те я прожил недавно за границей. У меня ничего нет».

В рассказе «На подводе» А. П. Чехов привлекает внимание общественности к тяжелому, забитому положению сельской интеллигенции: «...Учителя, небогатые врачи, фельдшера при громадном труде не имеют даже утешения думать, что они служат идее, народу, так как все время голова бывает набита мыслями о куске хлеба, о дровах, плохих дорогах, болезнях...»

Земского врача Григория Ивановича Овчинникова (рассказ «Неприятность») мы застаем в критической ситуации, когда он, человек глубоко порядочный, никого в жизни не обидевший, ударил по лицу на виду у больных фельдшера — пьяницу и бездельника, тайно торгующего земскими лекарствами и берущего с больных взятки.

Анализ обстоятельств, вызвавших нервный срыв у доктора Овчинникова, показывает, что пьяница-фельдшер, презирающий научную медицину — это только последняя маленькая песчинка из целой горы неприятностей. Значительно серьезнее осложняет жизнь и работу доктора произвол невежественной и грубой земской администрации, ни во что не ставящей подвижнический труд врача.

В пору борьбы с холерой земский врач Антон Павлович Чехов на себе испытал пренебрежительное отношение власть имущих.

«...В Биарице живет теперь мой сосед, владелец знаменитой Отрады, граф Орлов-Давыдов, бежавшей от холеры, — пишет Антон Павлович А. С. Суворину. — Он выдал своему доктору на борьбу с холерой только 500 руб. Его сестра, графиня, живущая в моем участке, когда я приехал к ней, чтобы поговорить о бараке для ее

рабочих, держала себя со мной так, как будто я пришел к ней наниматься. Мне стало больно, и я солгал ей, что я богатый человек. То же самое солгал я и архимандриту, который отказался дать помещение для больных, которые, вероятно, случатся в монастыре. На мой вопрос, что он будет делать с теми, которые заболеют в его гостинице, он мне ответил: «Они люди состоятельные и сами вам заплатят...» Понимаете ли? А я вспылал и сказал, что нуждаюсь не в плате, ибо я богат, а в охране монастыря... Бывают глупейшие и обиднейшие положения... Перед отъездом графа Орлова-Давыдова я виделся с его женой. Громадные бриллианты в ушах, турнюр и неуменье держать себя. Миллионерша. С такими особами испытываешь глупое семинарское чувство, когда хочется сгрубить зря...»

А доведенный до иступления Григорий Иванович Овчинников из рассказа «Неприятность» заявил более решительно: «Еще немного и, уверяю вас, я не только бить по мордасам, но и стрелять в людей буду».

Земский врач Кирилов вступает в конфликт с помещиком Абогиным (рассказ «Враги»).

У Абогина якобы опасно заболела жена, и он мчится за доктором. Он застаёт врача в неутешном горе: только что от дифтерии умер его единственный ребенок, шестилетний Андрей.

Еще не просохли росинки слез на бороде Кирилова, но Абогин не может ждать, он требует от доктора мужества, подвига «во имя человеколюбия».

Своим вторжением Абогин нарушил едва уловимую, как пишет Чехов, красоту человеческого горя, «которую умеет передавать, кажется, одна только музыка».

В Кирилове победил «рефлекс врачебного долга» (который, кстати, «срабатывает» и в рассказе «Зеркало», когда тяжелобольного врача вынуждают ехать за 40 верст на вызов).

Смертельная болезнь помещицы оказывается мисти-

фикацией. Она притворилась больной, чтобы, отослав из дома мужа, сбежать с любовником.

Обманутый Абогин потрясен. Он изливает перед доктором душу, посвящая его в тайны своих амурных отношений.

Таким образом доктор, три дня не спавший, оставивший скорбящую у трупика сына жену, невольно становится участником пошлого фарса, который разыгрывается в чуждом ему мире.

Кирилов не желает выслушивать излияний Абогина. Он возмущен и оскорблен:

«— ...Если вы с жиру женитесь, с жиру беситесь и разыгрываете мелодрамы, то при чем тут я? Что у меня общего с вашими романами?»

Он выступает против Абогина не только от своего имени:

«— ...Вы считаете врачей и вообще рабочих, от которых не пахнет духами и проституцией, своими лакеями, моветонами, ну и считайте, но никто не дал вам права делать из человека, который страдает, бутафорскую вещь!»

Хотя в случившемся Абогин формально не виноват и к тому же сам оказывается в незавидном положении обманутого мужа, у читателя не создается впечатления, что Кирилов незаслуженно обрушивается на него с обвинениями. Писатель так тонко строит рассказ, что несчастье Абогина воспринимается как несчастье каплуна, которого «давит лишний жир».

Они — смертельные враги: земский врач, труженик Кирилов с обожженными карболкой руками и здоровый, осанистый помещик Абогин, вызвавший у доктора ассоциацию с чучелом солидного и сытого волка.

Слова, которыми Абогин пытается выразить свои переживания, бездушны, ходульны, неуместно цветисты. Эти пошлые слова оскорбляют чувства Кирилова.

И хотя в итоге оба героя разбивают ту «угрюмую

тишину», в которой Чехов видит истинную красоту, «Враги» не воспринимаются как рассказ о жестокости и разобщенности людей, ослепленных собственным горем. Трагедия Кирилова несопоставима с сентиментальными сентенциями Абогина. Глубокое человеческое горе оскорблено пошлостью.

Вражда эта значительно шире и глубже, чем вражда между двумя людьми. Возвращаясь с вызова домой, Кирилов «осудил и Абогина, и его жену, и Панчинского, и всех, живущих в розовом полумраке и пахнущих духами, и всю жизнь ненавидел их и презирал до боли в сердце....»

В рассказе «Княгиня», который А. П. Чехов написал вскоре после «Врагов», по меткому выражению критика В. В. Ермилова, столкнулись «родной брат» доктора Кирилова и «родная сестра» помещика Абогина.

Доктор Михаил Иванович, служивший когда-то в одном из имений княгини и уволенный без объяснения причин, при случае высказывается перед ней в духе Кирилова — резко и откровенно:

«— ...Вы смотрите на всех людей по-наполеоновски, как на мясо для пушек. Но у Наполеона была хоть какая-нибудь идея, а у вас, кроме отвращения, ничего!.. Молодых медиков, агрономов, учителей, вообще интеллигентных работников, боже мой, отрывают от дела, от честного труда и заставляют из-за куска хлеба участвовать в разных кукольных комедиях, от которых стыдно делается всякому порядочному человеку!..»

Доктор и княгиня — такие же враги, как Кирилов и Абогин. И хотя в финале рассказа Михаил Иванович просит прощения и, краснея, целует руку у этой «поганой бабы», как Антон Павлович характеризует княгиню в письме А. С. Суворину, примирение между ними невозможно.

В одном из своих выступлений А. Моруа спрашивает: «...Кто в описании врачей может соперничать с Баль-

заком? И разве не необходимо было хоть немного ощутить себя врачом, чтобы создать образы доктора Бьяншона и хирурга Десплена? Кто лучше тяжело больного Пруста знал цену доверию, которое возбуждает в нас человек, глазом более проницательным, чем наш собственный, угадывающий тайну нашего организма?..»

На этот вопрос замечательного французского романиста и биографа мы можем ответить: Антон Павлович Чехов, ибо ему не надо было представлять себя врачом и больным — он был един в трех лицах: писателя — врача — больного. Отсюда та достоверность, которая отличает каждое его слово.

И. Г. Эренбург, безусловно, был прав, считая, что, не зная Чехов тревоги за жизнь больного, не испытай он сознания собственного бессилия ему помочь, не переживи он чередования надежды и отчаяния, ему куда труднее было бы понять и передать дни и часы своих героев.

Существует множество высказываний о прототипах героев чеховского рассказа «Попрыгунья». Сам Антон Павлович писал по этому поводу своей знакомой писательнице Л. А. Авиловой: «Вчера я был в Москве, но едва не задохнулся там от скуки и всяких напастей. Можете себе представить, одна знакомая моя, 42-летняя дама, узнала себя в двадцатилетней героине моей «Попрыгуньи» ...и меня вся Москва обвиняет в пасквиле. Главная улика — внешнее сходство: дама пишет красками, муж у нее доктор, и живет она с художником».

Речь идет о Софье Петровне К. и участниках ее салона, известного в Москве в конце восьмидесятых — начале девяностых годов. Но, как определенно указывает автор, сходство это только внешнее.

Врач и ученый Дымов, беспредельно скромный, преданный больным и науке, — образ собирательный.

Среди знаменитостей, окружающих его жену Ольгу Ивановну, Дымов представляется слишком ординарным,

незначительным. И только когда он умирает, заразившись дифтерией от мальчика, у которого отсасывал через трубку дифтерийные пленки, всем вдруг открывается, какой это был необыкновенный человек.

Один из его коллег, доктор Коростелев, с горечью говорит Ольге Ивановне:

«— Умирает, потому что пожертвовал собой... Какая потеря для науки! Это, если всех нас сравнить с ним, был великий необыкновенный человек. Какие дарования! Какие надежды он подавал нам всем! — продолжал Коростелев, ломая руки. — Господи боже мой, это был бы такой ученый, какого теперь с огнем не найдешь...

Коростелев в отчаянии закрыл обеими руками лицо и покачал головой.

— А какая нравственная сила! — продолжал он, все больше и больше озлобляясь на кого-то. — Добрая, чистая, любящая душа — не человек, а стекло! Служил науке и умер от науки. А работал, как вол, день и ночь, никто его не щадил, и молодой ученый, будущий профессор, должен был искать себе практику и по ночам заниматься переводами, чтобы платить вот за эти... подлые тряпки!

Коростелев поглядел с ненавистью на Ольгу Ивановну...».

Свой рассказ Чехов сначала назвал «Великий человек». Но еще до публикации изменил это название. И, вероятно, не только потому, что оно показалось ему претенциозным. Ложному величию людей, окружающих Ольгу Ивановну, он противопоставил величие, до которого поднялся скромный врач в исполнении своего врачебного долга.

В 1894 г. был опубликован «Рассказ старшего садовника». Для литературоведов пятистраничный рассказ этот представляет интерес в плане изучения взглядов писателя на право государства лишать человека жизни за совершенные им преступления. Для нас же важно, что

в образе невинного и благородного человека, против которого совершено преступление, Чехов выводит врача.

Весьма возможно, что в образе главного героя нашли отражение некоторые черты тюремного врача Федора Петровича Гааза¹¹, «великого филантропа», «святого доктора», как его прозвали в народе.

О необычайной популярности Федора Петровича свидетельствует легенда, приведенная известным русским юристом А. Ф. Кони в очерке о жизни Ф. П. Гааза: «В морозную зимнюю ночь он должен был отправиться к бедняку-больному. Не имея терпения дождаться своего старого и кропотливого кучера Егора и не встретив извозчика, он шел торопливо, когда был остановлен в глухом и темном переулке несколькими грабителями, взявшимися за его старую волчью шубу... Ссылаясь на холод и старость, Гааз просил оставить ему шубу, говоря, что он может простудиться и умереть, а у него на руках много больных, и притом бедных, которым нужна его помощь. Ответ грабителей и их дальнейшие внушительные угрозы понятны. «Если вам так плохо, что вы пошли на такое дело, — сказал им тогда старик, — то придите за шубой ко мне, я велю ее вам отдать или прислать, если скажете куда, и не бойтесь меня, я вас не выдам; зовут меня доктором Гаазом, и живу я в больнице, в Малом Казенном переулке... А теперь пустите меня, мне надо к больному...» — «Батюшка, Федор Петрович, — отвечали ему неожиданные собеседники, — да ты бы так и сказал, кто ты! Да кто ж тебя тронет, — да иди себе с богом! Если позволишь, мы тебя проводим...»

Принимая на себя обязанности члена, а вскоре — директора Московского попечительного о тюрьмах комитета, Федор Петрович был весьма обеспеченным человеком. Однако быстро исчезли белые лошади и карета, была продана недвижимость, и Ф. П. Гааз поселился в двух небольших комнатах при больнице. В 1853 году, когда пришлось хоронить некогда преуспевающего врача, не-

обходимо было это сделать на счет полиции. Своим наследникам «святой доктор» оставил только духовное завещание, в котором призывал их: «Торопитесь делать добро!»

Антон Павлович, когда писал «Рассказ старшего садовника», успел уже побывать на «кандальном острове», где, безусловно, должен был познакомиться с преданиями и легендами о тюремном враче Ф. П. Гаазе.

В этом рассказе-сказке, рассказе-притче показан идеал чеховского врача, о котором говорили, что «он знает все» и «он любит всех!»

«...Он пренебрегал зноем и холодом, презирал голод и жажду. Денег не брал, и странное дело, — когда у него умирал пациент, то он шел вместе с родственниками за гробом и плакал».

Жители города уважали доктора, любили и ценили его.

Сказка эта написана необыкновенно тепло, задушевно. Не потому ли, что сам автор был наделен многими чертами ее главного героя.

Как примирить это чеховское представление о высоком назначении врача с рядом встречающихся в его произведениях высказываний о том, что медицинские пункты, так же как и школы, и библиотеки, служат порабощению народа?

«...Народ опутан цепью великой, и вы не рубите этой цепи, а лишь прибавляете новые звенья — вот вам мое убеждение...» — в пылу полемики заявляет художник из рассказа «Дом с мезонином».

Почему же тогда сам писатель всю свою жизнь лечил людей, строил школы и создавал библиотеки?

В свое время — вскоре после смерти Антона Павловича — раздавались предположения: чтобы ослабить эту «цепь», заменить труд врачей на селе более дешевым — фельдшерским.

«Всею своя мера — и медицина должна не забегать

вперед, а двигаться на уровне с удовлетворением других, не менее важных народных нужд и сообразно с материальными средствами народа», — писал критик Г. П. Задера.

Мысль эту нельзя назвать ни свежей, ни новой: когда организовывалось земство, крупные землевладельцы выступали за образование именно фельдшерских, а не врачебных участков на том основании, что якобы невежественному и безграмотному мужику ближе знахарь и поп, чем дипломированный врач.

Нет, Чехов думал иначе.

Доктор Королев в «Случае из практики» не считал лишними ни фабричных врачей, ни спектакли для рабочих, хотя относился к этим либеральным веяниям эпохи как к лечению неизлечимых болезней: облегчить страдания можно, но вылечить — нет.

Так же, как художник из «Дома с мезонином», Чехов полагает, что важнее лечить не болезни, а причины, их вызывающие. Одной из главных причин таковых он считает рабский, подневольный труд:

«...Не то важно, что Анна умерла от родов, а то, что все эти Анны, Мавры, Пелагеи с раннего утра до потемок гнут спины, болеют от непосильного труда, всю жизнь дрожат за голодных и больных детей, всю жизнь лечатся, рано блекнут, старятся и умирают в грязи и в вони...».

Антон Павлович прекрасно понимал половинчатость усилий своих собратьев по медицинской профессии и тем не менее высоко ценил их подвижническую деятельность.

В январе 1902 г. в Москве состоялся VIII съезд общества русских врачей. Общество это было основано в год смерти Н. И. Пирогова (1881) и названо в честь и память великого хирурга пироговским.

Съезды общества, на которых обычно обсуждались кардинальные проблемы практической и научной меди-

И в
52

цины, были высшим общественным органом русских врачей.

Антон Павлович записался участвовать в работе VIII съезда, но по состоянию здоровья не смог приехать в Москву.

А 12 января в Ялту пришли две телеграммы; Антон Павлович сказал, что они подняли его на высоту, о какой он никогда не мечтал.

Телеграммы эти настолько взволновали и тронули писателя, что он, обычно с юмором относившийся ко всяким почестям, изредка выпадавшим на его долю, не выскажет на этот раз ни одной насмешливой или шуточной фразы, а собственной рукой слово в слово переписет их, чтобы поделиться своей радостью с сестрой:

«Врачи-товарищи, члены VIII пиროговского съезда русских врачей, присутствующие сегодня в Художественном театре на представлении «Дяди Вани», шлют горячо любимому автору, своему дорогому товарищу, выражение глубокого уважения и пожелания здоровья». Далее шли подписи.

Другая телеграмма: «Земские врачи глухих углов России, видевшие в исполнении художников произведение врача-художника, приветствуют товарища и навсегда сохраняют память об 11 января».

Чехов не сообщает Марии Павловне еще об одной телеграмме, так как она была доставлена на следующий день, когда письмо уже было отправлено. Телеграмма эта подписана доктором Е. А. Осиповым — одним из основателей и руководителей Пироговского общества.

Имя Евграфа Алексеевича было особенно дорого Антону Павловичу потому, что он возглавлял земскую медицину Московской губернии во время деятельности в Серпуховском уезде доктора Чехова.

«Присоединяясь к товарищам, от всей души желаю доброго здоровья Вам, глубокоуважаемый Антон Пав-

лович, и долгого процветания Вашему чудному таланту», — телеграфировал Е. А. Осипов.

В канун XX в. А. П. Чехову был «пожалован» орден Святого Станислава 3-й степени. Тем же «высочайшим указом» его произвели в потомственные дворяне. Однако «монаршья милость» Николая II не встретила резонанса в душе писателя, и ни в одном из писем к друзьям или родным он даже не считал нужным сообщить об этом факте.

Признание своих коллег-врачей Антон Павлович расценивал как высшую честь и награду, которую он принимал с радостью, хотя из скромности считал, что досталась она ему не по заслугам.

В МЕДИЦИНЕ ПРЕЖДЕ ВСЕГО НУЖНЫ ЗНАНИЯ

Глубокое изучение трудов И. М. Сеченова, К. А. Тимирязева и Ч. Дарвина воспитало в Чехове материалиста, мыслящего широко и смело.

Он гордится своим материалистическим мировоззрением.

«Вас пугают материалистические идеи Вагнера^{12?} — спрашивает он А. С. Суворина и заявляет: — Я в миллион раз больше материалист, чем он...»

Критикуя роман Бурже «Ученик», в качестве главного недостатка Чехов усматривает «претенциозный поход против материалистического направления», ибо, по его глубокому убеждению, «воспретить человеку материалистическое направление равносильно запрещению искать истину. Вне материи нет ни опыта, ни знаний, значит нет и истины...»

Ни перед чем А. П. Чехов так не преклоняется, как перед достижениями научной мысли, за которыми он постоянно следит:

«...Естественные науки делают теперь чудеса, и они могут двинуться, как Мамай, на публику, и покорить ее своею массою, грандиозностью», — прогнозирует Антон Павлович научный «бум» XX столетия.

И даже в «Палате № 6», окунувшись в чудовищную атмосферу рагинской больницы — заведения безразличного и вредного для здоровья, писатель не забывает напомнить, что эта средневековщина существует в пери-

А. П. Чехов. 1888 г.

Дом на Садово-
Кудринской

А. П. Чехов с семьей

Братья Чеховы

Доктор Осипов

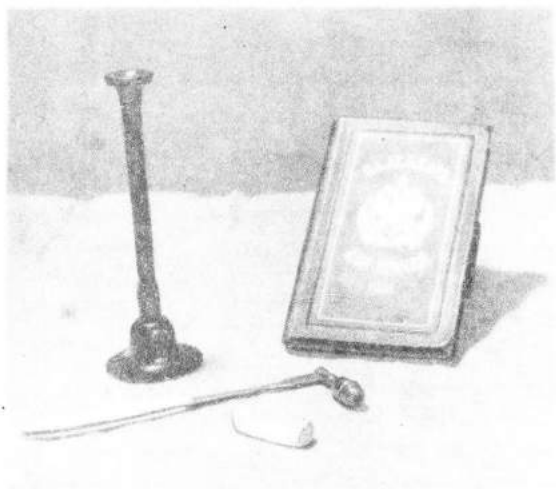
Г. Н. Россолимо

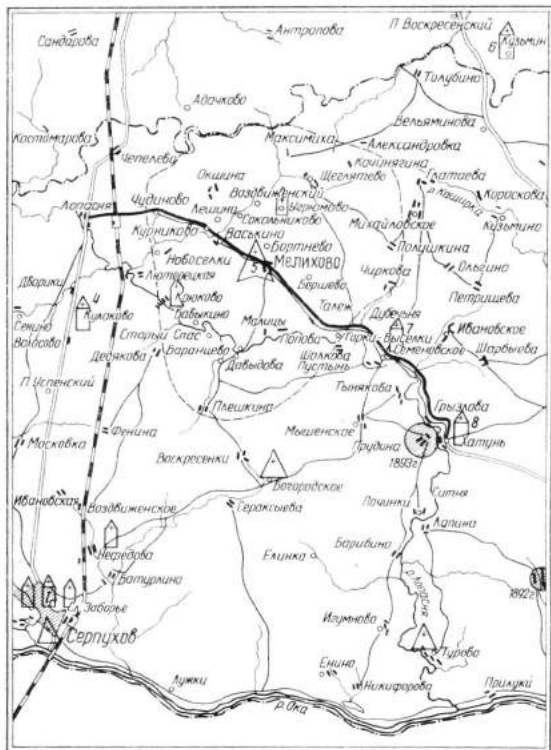
А. П. Чехов с семьей в Мелихово

А. П. Чехов и Коробов у трактира в Мелихово

Медицинский
инструментарий
А. П. Чехова

▲	Главный врачебно-наблюдательный пункт	---	Граница Мелиховского медицинского участка
▲	Врачебно-наблюдательный пункт	▲	Серпуховский мед. участок. Врач И. Г. Витте
⌂	Медицинский участок	▲	Сальневский мед. участок. Врач В. А. Павловская
⌂	Фабрично-земельная амбулатория	▲	Главный Мелиховский врачебно-наблюдательный пункт и временный мед. участок. Врач А. П. Чехов
●	Вале распространения холеры	▲	Кузьминский мед. участок. Врач Н. И. Невский
---	Границы везды	▲	Отрадинский мед. участок. Врач: А. А. Кошкинцев
—	Участок Старо-Голышевского тракта, контролируемый Мелиховским пунктом	▲	Хатунский мед. участок. Врач И. К. Кобрейн

Фрагменты карты участка, обслуживавшегося А. П. Чеховым во время эпидемии холеры

Серпуховской санитарный совет

А. П. Чехов с земскими деятелями

А. П. Чехов в селе Воздвиженское Уфимской губернии

А. П. Чехов с таксой Хиной на крыльце дома в Мелихово

А. П. Чехов и группа актеров МХТ

А. П. Чехов
и М. Горький

А. П. Чехов
и Л. Н. Толстой

Ялта. Дом Чехова

Чехов в кабинете в Ялте

Температурный лист А. П. Чехова в последний период болезни

Dr. SCHNEIDER
GROSS KÖNIG
Königsplatz 11, 10117 Berlin

Temperaturzettel

Datum	1 Uhr	2 Uhr	4 Uhr	6 Uhr	8 Uhr	10 Uhr
23.11		37,5	37,2			
24		37,8	38			
25		37,2	37,5	37,4		
26		37,7	37,7	37,5		
27		37,5	37,8	37,1		
28		37,5	37,8	37,7		
29		37,2	37,9	37,1		
30		37,5	37,1	37,8		
1.12		37,5	37,9	38,2		
2 -		37,1	37,7	37,3		3 Subnormal
3 -		37,1	37,4	37,5		Temper.

Могила А. П. Чехова

од бурного расцвета медицины, когда благодаря антисептике рядовые хирурги с успехом производят операции, о которых даже не мечтал великий Пирогов, когда радикально излечивается сифилис, когда на земле есть Пастер и Кох.

Антон Павлович решительно выступает против профанации науки. И в этом он солидаризируется с К. А. Тимирязевым.

Любопытную страничку их взаимоотношений приоткрыл И. Ф. Федоров.

К. А. Тимирязев, будучи не только крупнейшим ученым-ботаником, но и блестящим популяризатором науки, в статье «Пародия науки» высказал возмущение дешевой рекламой научных исследований, устроенной фито-биологической станцией Московского зоосада.

«...Популяризатор, — писал он, — имеет право выступать перед публикой во всеоружии настоящей науки, показывая этой публике завоевания науки, добытые талантом и трудом в тиши настоящих лабораторий и кабинетов, а выходить на улицу публично производить пародию научных исследований в каких-то пародиях лабораторий... значит сознательно подрывать значение науки».

Зоолог В. А. Вагнер познакомил А. П. Чехова с брошюрой К. А. Тимирязева, наделавшей много шума в научных кругах. Антон Павлович тщательно проверил факты и в соавторстве с В. А. Вагнером написал фельетон «Фокусники», который вместе с брошюрой направил Суворину: «...Как добавление к брошюре посылаю заметку. Тимирязев воюет с шарлатанской ботаникой, а я хочу сказать, что и зоология стоит ботаники. Вы прочтите заметку до конца; не надо быть ботаником или зоологом, чтобы понять, как низко стоит у нас то, что мы, по неведению, считаем высоким... Заметка покажется Вам резкою, но я в ней ничего не преувеличил и не

солгал ни на иоту, ибо пользовался документальными данными».

«Очевидно, — писали в фельетоне А. П. Чехов и В. А. Вагнер, — что вновь открытая ботаническая станция... есть родная дочь зоологической лаборатории, что, строго говоря, оба эти учреждения отличаются только названиями... оба служат образчиками прискорбного неуважения к науке и публике. Лаборатория так же, как и теперешняя станция, не была нужна ни для ученых, ни для учащихся, ни тем паче для публики. Наконец, самое возникновение ее, очевидно, имеет тот же мотив, что и у ботанической станции, т. е. мотив рекламы».

Статья по просьбе В. А. Вагнера, боявшегося гнева могущественного директора зоологического сада, не была подписана, и К. А. Тимирязев долгие годы не догадывался, с чьей стороны пришла поддержка, пока однажды Антон Павлович не открылся ученому:

— А ведь мы с вами вместе в поход ходили.

Досаду и боль в душе Чехова вызывает пренебрежительное отношение Л. Н. Толстого к естественным наукам: «...Толстой трактует о том, чего он не знает и чего из упрямства не хочет понять. Так, его суждения о сифилисе, воспитательных домах... и проч. не только могут быть оспариваемы, но и прямо изобличают человека невежественного, не потрудившегося в продолжение своей долгой жизни прочесть две-три книжки, написанные специалистами», — пишет он А. Н. Плещееву в феврале 1890 г.

«В Гёте рядом с поэтом прекрасно уживался естественник», — заметил однажды Антон Павлович. Точно так же в нем самом писатель тесно дружил с врачом. Чехов и не понимает, почему должны воевать анатомия и изящная словесность, которые «имеют одинаково знатное происхождение, одни и те же цели, одного и того же врага — черта...»

В самую середину нашего века послан его ответ, за-

вершающий полемику «физиков» и «лириков»: «...Если человек знает учение о кровообращении, то он богат; если к тому же выучивает еще историю религии и романс «Я помню чудное мгновенье», то становится не беднее, а богаче, — стало быть, мы имеем дело только с плюсами...».

Общезвестно шутовское определение Чехова, что медицина — это законная жена, а литература — любовница. Но это был тот редкий случай, когда любовная связь не наносила ущерба законному союзу, который, в свою очередь, обогащал любовь новым содержанием и знаниями.

«...Занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность, — читаем мы в краткой автобиографии писателя, — они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями... Они имели также и направляющее влияние, и, вероятно, благодаря близости к медицине, мне удалось избежать многих ошибок. Знакомство с естественными науками, с научным методом держало меня настороже, и я старался, где было возможно, соотноситься с научными данными, а где невозможно — предпочитал не писать вовсе...».

В ялтинском доме писателя С. Балухатый обнаружил более 100 томов специальной литературы по различным отраслям медицинских знаний. Библиотека эта — не «мертвый груз» и не память о студенческих годах. Исправленные рукой Антона Павловича опечатки в ряде книг, изданных уже после окончания им университета, свидетельствуют, что Чехов продолжал следить за развитием медицинской науки.

Это же подтверждают его письма, в которых он отмечает поразительные победы медицины на разных ее фронтах: «...Одна хирургия сделала столько, что оторопь берет», — замечает он в одном из писем.

«...Глаза лечат теперь превосходно. Медицина в этом отношении далеко ушла», — сообщает в другом.

И таких высказываний, разбросанных на страницах его писем, можно найти великое множество.

Антон Павлович проявил поразительные для своего времени познания в причинах происхождения ряда заболеваний. В этом плане большой интерес представляют высказывания молодого доктора о болезни шестидесятипятилетнего писателя Дмитрия Васильевича Григоровича: «...Старичина поцеловал меня в лоб, обнял, заплакал от умиления, и... от волнения у него приключился жесточайший припадок грудной жабы. Он невыносимо страдал, метался, стонал...»

В приведенном отрывке показана четкая связь приступа стенокардии с эмоциональным напряжением. Чехов рассматривает стенокардию у Григоровича как проявление «атероматозного процесса».

«...Об этой болезни Вы составите себе ясное представление, если вообразите обыкновенную каучуковую трубку, которая от долгого употребления потеряла свою эластичность, сократительность и крепость, стала более твердой и ломкой, — объясняет он как хороший популяризатор, не имеющему ни малейшего представления о медицине А. С. Суворину: просто и абсолютно точно. — Артерии становятся такими вследствие того, что их стенки делаются с течением времени жировыми или известковыми. Достаточно хорошего напряжения, чтобы такой сосуд лопнул. Так как сосуды составляют продолжение сердца, то обыкновенно и само сердце находят перерожденным. Питание при такой болезни плохо. Само сердце питается скудно, а потому и сидящие в нем нервные узлы болят, — отсюда грудная жаба...».

Известный советский терапевт Г. П. Шульцев, анализируя эти высказывания А. П. Чехова, отмечает их полную созвучность современным представлениям о перерождении сердца и причинах боли. Профессор

Шульцев подчеркивает, что термин «атероматозный процесс», жировое перерождение артерий был применен А. П. Чеховым на 6—7 лет раньше, чем он вошел в широкий врачебный обиход. По мнению специалиста-кардиолога, это — не пересказ лекций Г. А. Захарьина, а собственные взгляды доктора А. П. Чехова на причину болезни.

Г. П. Шульцев считает, что Чехова следует отнести к числу выдающихся русских врачей конца XIX в. С его мнением полностью солидарен крупнейший советский терапевт, ныне покойный академик И. А. Кассирский. А один из основоположников советской хирургии академик С. С. Юдин среди выдающихся деятелей отечественной медицины, воспитанных в стенах Московского университета — профессоров Н. И. Пирогова, С. П. Боткина, И. М. Сеченова, Н. В. Склифосовского, С. П. Федорова, Н. А. Вельяминова, С. И. Спасокукоцкого, — назвал имя доктора А. П. Чехова.

Свои глубокие и разносторонние медицинские познания А. П. Чехов тонко вплетает в «кружево» своих произведений. И хотя он признается, что изображает больных лишь постольку, «поскольку они являются характерами или поскольку они картинны», в его произведениях можно встретить образы людей, страдающих самыми различными заболеваниями. При этом, освещая медицинские проблемы, он обычно поднимает их до общечеловеческого звучания.

Рассказ «Случай из практики» построен, действительно, как частный случай из практики доктора Королева, приехавшего по вызову к дочери владелицы фабрики госпожи Ляликовой.

Автор с юмором подмечает широко распространенное явление, когда родственники больной, вместо того чтобы сообщить, кто болен и в чем дело, излагают врачу причины болезни.

А суть заключается в том, что больна Лиза, девушка

двадцати лет. Болеет она давно и лечится у разных докторов. В последнюю ночь у нее было сильное сердцебиение, и все боялись, что она может умереть.

Королев словно пишет историю болезни: больная «совсем уже взрослая, большая, хорошего роста...».

Поздоровавшись с больной за руку, он мимолетно задержал на ней внимание.

Дело в том, что терапевты старой школы многое могли «прочитать» по руке пациента, и не только касательно образа его жизни, но и ряда перенесенных болезней. Так, пальцы в виде «барабанных палочек» свидетельствовали о хроническом гнойном процессе в легких, ломкие ногти — о малокровии, связанном с недостатком в организме железа и т. п.

Королев ничего этого не отмечает. У больной была большая, холодная, некрасивая рука.

Доктор выслушивает сердце и произносит, словно записывает в историю болезни: «Сердце, как следует...».

Остается сделать заключение: нервы «подгуляли немного», но это — не страшно. Болезнь обыкновенная, ничего серьезного, и врача менять нецелесообразно.

На этом, собственно, кончается медицинская часть диагноза.

Королева просят остаться на ночь, и тут ему постепенно проясняется социальный диагноз болезни его пациентки, которая хотя и является богатой наследницей, миллионершей, живет на территории завода «точно в остроге».

«...Хорошо чувствует себя здесь только одна гувернантка, и фабрика работает для ее удовольствия. Но это так кажется, она здесь только подставное лицо. Главный же, для кого здесь все делается, — это дьявол».

Этот «дьявол» съедает не только тех, кто на него работает, но и тех, для кого он создан. И слабый и сильный становится его жертвой.

Королев предлагает рецепт: бежать от этих пяти

корпусов, оставив «дьявола» с его миллионами. И от того, что он встретил понимание в душе девушки, он уехал из этого царства дьявола в хорошем настроении. И по дороге домой он «думал о том времени, быть может, уже близком, когда жизнь будет такую же светлую и радостной, как это тихое, воскресное утро...»

Так под пером А. П. Чехова обычный случай из врачебной практики превратился в яркое описание социальных болезней капиталистического общества.

Испытывая тяготение к научной и преподавательской деятельности, Чехов хотел прочитать студентам курс лекций по весьма оригинальной тематике: субъективное ощущение больного человека.

К преподаванию в университете его, как известно, не допустили. Однако сегодня «внутренняя патология страданий» — тот предмет, который предполагал читать Антон Павлович, вряд ли может обойтись без его произведений. Ведь мало кто из писателей и ученых проникал так глубоко, как А. П. Чехов, в сложную сущность человеческого страдания.

Каковы ощущения человека, находящегося в лихорадочном состоянии? Откройте рассказ «Тиф».

Молодой поручик возвращается домой. Ему нездоровится. Он с ненавистью смотрит на соседа по купе, задающего какие-то вопросы. Он не находит себе места. Руки и ноги его не укладываются на диване, хотя весь диван в его распоряжении. Во рту у поручика сухо и липко. В голове тяжелый туман. «...Мысли его, казалось, бродили не только в голове, но и вне черепа, меж диванов и людей, окутанных в ночную мглу. Сквозь головную муть, как сквозь сон, слышал он бормотанье голосов, стук колес, хлопанье дверей...»

Кто хоть раз в жизни испытал лихорадочное состояние, должен согласиться, что Чехов передал его весьма точно и высокохудожественно.

В этом же рассказе Антон Павлович очень точно пе-

редает радость человека, выздоравливающего после тяжелой болезни, внезапно бросившей его на грань жизни и смерти:

«...Всем его существом, от головы до ног, овладело ощущение бесконечного счастья и жизненной радости, какую, вероятно, чувствовал первый человек, когда был создан и впервые увидел мир... Он радовался своему дыханию, своему смеху, радовался, что существует графин, потолок, луч, тесемка на занавеске. Мир божий даже в таком тесном уголке, как спальня, казался ему прекрасным, разнообразным, великим. Когда явился доктор, поручик думал о том, какая славная штука медицина, как мил и симпатичен доктор, как вообще хороши и интересны люди...»

Опьянение жизнью невольно доводит поручика до жестокого эгоизма. Ухаживая за ним, заразилась и умерла его любимая сестра Катя, восемнадцатилетняя девушка, готовившаяся к учительскому экзамену. Эта страшная неожиданная новость «не могла побороть животной радости, наполнившей выздоравливающего поручика. Он плакал, смеялся и скоро стал браниться за то, что ему не дают есть».

И только спустя неделю, когда улетучилось опьянение первых дней возрожденной жизни, наступило горькое похмелье и ощущение невозвратимой потери.

Советский писатель З. Паперный на протяжении многих лет занимающийся исследованием творчества Чехова, называет его «великим диагностом человеческой души» и расшифровывает свое определение: «...он представляет все неисчерпаемое многообразие человеческих случаев, ситуаций, вариантов».

К. Г. Паустовский, оценивая влияние «второй» профессии на творчество Анатона Павловича, писал: «То, что Чехов был врачом, не только дало ему знание людей, но сказалось и на его стиле. Если бы Чехов не

был врачом, то, возможно, он бы не создал такую острую, как скальпель, аналитическую и точную прозу.

Некоторые его рассказы (например, «Палата № 6», «Скучная история», «Попрыгунья», да и многие другие) написаны как образцовые психологические диагнозы...

В той же самой «Золотой розе» К. Г. Паустовского, из которой почерпнуты приведенные выше слова, есть такое наблюдение, касающееся «механики» творческого процесса:

«...Надо успеть записать. Малейшая задержка — и мысль, блеснув, исчезает.

Может быть, поэтому многие писатели не могут писать на узких полосках бумаги, на гранках, как это делают журналисты. Нельзя слишком часто отрывать руку от бумаги, потому, что даже эта ничтожная задержка на какую-то долю секунды может быть губительной...»

Паустовский, по-видимому, прав. Но мне как врачу многие короткие рассказы доктора Чехова представляются написанными не на обычной бумаге, а на рецептурных бланках, по которым отпускают сильнодействующие лекарства. Такова в них концентрация сюжета и мощь воздействия на человеческое сердце, с той лишь существенной разницей, что медикаменты успокаивают и притупляют страдание, а чеховские рассказы возбуждают и обостряют боль.

«Кому повем печаль мою?..» Кто выслушает одинокого, засыпанного мокрым снегом извозчика Иону, у которого умер сын? (Рассказ «Тоска».) У него нет сил молчать, потому что тоска громадная, не знающая границ, готовая залить мир, ищет выхода. Но никому из тысяч людей, снующих по улице, нет дела до Ионы и его горя. Разве только лошади можно излить душу.

«... — Так-то, брат, кобылочка... Нету Кузьмы Ионыча... Приказал долго жить... Взял и помер зря... Теперя, скажем, у тебя жеребеночек, и ты этому жеребеночку

родная мать... И вдруг, скажем, этот самый жеребенок приказал долго жить... Ведь жалко?

Лошаденка жует, слушает и дышит на руки своего хозяина...

Иона увлекается и рассказывает ей все...»

В 1887 году был напечатан рассказ Д. В. Григоровича «Сон Карелина».

Антон Павлович откликнулся на публикацию: «Конечно, сон — явление субъективное и внутреннюю сторону его можно наблюдать только на самом себе, но так как процесс сновидения у всех людей одинаков, то, мне кажется, каждый читатель может мерить Карелина на свой собственный аршин, и каждый критик поневоле должен быть субъективен. Я сужу на основании своих снов, которые часто вижу...»

В письме к Д. В. Григоровичу он дает высокую оценку этому его произведению, рассматривая его не только как художник, но и как врач, обладающий глубокими познаниями по физиологии снов и сновидений.

А через год сам Чехов пишет рассказ «Спать хочется», в котором с необыкновенной художественной силой и научной достоверностью описывает страдания тринадцатилетней Варьки, измученной непосильным трудом и хроническим недосыпанием.

«...Ребенок плачет... А Варьке хочется спать. Глаза ее слипаются, голову тянет вниз, шея болит. Она не может шевельнуть ни веками, ни губами, и ей кажется, что лицо ее высохло и одеревенело, что голова стала маленькой, как булабочная головка...»

В наполовину уснувшем утомленном Варькином мозгу возникают галлюцинации. То она видит темные облака, которые гоняются по небу друг за другом и кричат, как ребенок, то — покрытое грязью шоссе, по которому плетутся люди с котомками и носятся какие-то тени. «Вдруг люди с котомками и тенями падают на землю в жидкую грязь. «Зачем это?» — спрашивает Варька.

«Спать, спать!» — отвечают ей. И они засыпают крепко, спят сладко, а на телеграфных проволоках сидят вороны и сороки, кричат, как ребенок, и стараются разбудить их.

— Баю-баюшки-баю, а я песенку спою... — мурлычет Варька...»

Когда она засыпает, ее поднимают затрешиной. А потом наступает утро и новый день непосильного труда.

В пятистраничном рассказе этом перед глазами читателя проходит вся безрадостная недетская Варькина жизнь, лейтмотивом которой является мечта об отдыхе и сне.

Очередной ночью Варькой овладевает известное в психиатрии «ложное представление». В младенце, которого она баюкает, девочка видит врага. Трагический конец рассказа читатель помнит...

«Мне как медику кажется, что душевную боль я описал по всем правилам психиатрической науки!» — с гордостью заметил А. П. Чехов о своем рассказе «Припадок».

Чудесный рассказ этот был навеян личностью писателя В. М. Гаршина и его трагической кончиной.

Подобно томящемуся в сумасшедшем доме благородному герою «Красного цветка», готовому принять на себя страдания всего человечества и мечтающему о том времени, когда «распадутся железные решетки», томился и не выдержал вселенской боли Гаршин.

Рассказывают, что когда к нему, бросившемуся в лестничный пролет, подбежали люди и спросили, болит ли сломанная нога, он отрицательно покачал головой и показал на сердце. Болела израненная душа.

«...Таких людей, как покойный Гаршин, я люблю всей душой и считаю своим долгом публично расписываться в симпатии к ним», — писал Антон Павлович, принимая предложение участвовать в сборнике, посвященном памяти Всеволода Гаршина.

«...Молодой человек гаршинской закваски, недюжинный, честный и глубоко чуткий, попадает первый раз в

жизни в дом терпимости», — так в общих чертах Чехов определяет замысел рассказа «Припадок» и облик главного его героя.

Уже в рассказе, давая расшифровку, что значит «гаршинская закваска», он напишет о студенте Васильеве: «...Есть таланты писательские, сценические, художнические, у него же особый талант — человеческий. Он обладает тонким великолепным чутьем к боли вообще. Как хороший актер отражает в себе чужие движения и голос, так Васильев умеет отражать в своей душе чужую боль. Увидев слезы, он плачет; около больного он сам становится больным и стонет; если видит насилие, то ему кажется, что насилие совершается над ним, он трусит, как мальчик, и, струсив, бежит на помощь. Чужая боль раздражает его, возбуждает, приводит в состояние экстаза и т. п. ...»

Сам Антон Павлович, как заметил в своих воспоминаниях А. М. Горький, в совершенстве обладал этим же талантом тонкого чутья к чужой боли. Поэтому с такой силой он смог прочувствовать и передать нам переживания старого извозчика Ионы Потапова, похоронившего сына, и токаря Григория Петрова, везущего в больницу умирающую жену и замерзающего по дороге (рассказ «Горе»), и Васильева — Гаршина, охваченного душевной болью за оскорбленных, униженных и погибающих женщин.

Терзаясь сознанием собственной ответственности за безмерное зло, творимое в Соболевом переулке — этом рабовладельческом рынке невольниц, Васильев бросает обвинение в лицо своим приятелям, а вместе с ними — и всему обществу:

« — ...Послушайте, вы! — сказал он сердито и резко. — Зачем вы сюда ходите? Неужели вы не понимаете, как это ужасно? Ваша медицина говорит, что каждая из этих женщин умирает преждевременно от чахотки или чего-нибудь другого; искусства говорят, что морально

она умирает раньше. Каждая из них умирает оттого, что на своем веку принимает средним числом, допустим, пятьсот человек. Каждую убивает пятьсот человек. В числе этих пятисот — вы! Теперь, если вы оба за всю жизнь побываете здесь и в других подобных местах по двести пятьдесят раз, то значит на обоих вас придется одна убитая женщина? Разве не ужасно? Убить вдвоем, втроем, впятером одну глупую, голодную женщину! Ах, да разве это не ужасно, боже мой?»

Сцена похода в Соболев переулок обрамляется вечерним зимним пейзажем, отражающим душевное состояние Васильева.

Вначале это — первый снегопад, от которого «все было мягко, бело, молодо, и от этого фонари горели ярче, воздух был прозрачней, экипажи стучали глуше, и в душу вместе со свежим, легким морозным воздухом просилось чувство, похожее на белый, молодой пушистый снег».

Но вот Васильев, переполненный ужасающими впечатлениями, выбежал из публичного дома на улицу.

Вновь шел снег.

«...И как может снег падать в этот переулок! — думал Васильев. — Будь прокляты эти дома!»

Потрясение, пережитое Васильевым, вызывает у него приступ неутолимой душевной боли.

Надо заметить, что «душевная боль» — не только образное выражение, но и медицинский термин, характеризующий психическое страдание человека, при котором изменение настроения порой доходит до «безысходной» тоски, до величайшего отчаяния.

Е. Б. Меве, проделавший сравнительное исследование описания душевной боли А. П. Чеховым и крупнейшими отечественными психиатрами С. С. Корсаковым и Н. И. Озерецким, должен был согласиться, что состояние это он описал «по всем правилам психиатрической науки».

«...Васильев лежал неподвижно на диване и смотрел в одну точку. Он уже не думал ни о женщинах, ни о муж-

чинах... Все внимание его было обращено на душевную боль, которая мучила его. Это была боль тупая, беспредметная, неопределенная, похожая и на тоску, и на страх в высочайшей степени, и на отчаяние. Указать, где она, он мог: в груди, под сердцем; но сравнить ее нельзя было ни с чем. Раньше у него бывала сильная зубная боль, бывали плеврит и невралгии, но все это в сравнении с душевной болью было ничтожно. При этой боли жизнь представлялась отвратительной...»

В состоянии такой тяжелой депрессии больные нередко покушаются на самоубийство.

«...Чтобы отвлечь свою душевную боль каким-нибудь новым ощущением или другою болью, не зная, что делать, плача и дрожа, Васильев расстегнул пальто и сюртук и подставил свою голую грудь сырому снегу и ветру. Но и это не уменьшило боли. Тогда он нагнулся через перила моста и поглядел вниз, на черную, бурливую Язу, и ему захотелось броситься вниз головой, не из отвращения к жизни, не ради самоубийства, а чтобы хотя ушибиться и одною болью отвлечь другую».

В таком же состоянии, желая одною болью заглушить другую, бросился в пролет лестничной клетки писатель Гаршин. Но как мы уже знаем, израненная душа болит сильнее, чем сломанная нога.

По воспоминаниям современников Антона Павловича, особый интерес он проявлял к психиатрии, и, если бы не сделался писателем, то скорее всего стал бы специализироваться в этом разделе медицины, больше других имеющем дело с исследованием духовной деятельности человека.

Кстати, медицинский термин «психопат», появившийся в конце прошлого века и обозначающий пограничные с патологией расстройства нервной деятельности, быстро получил права гражданства у непрофессионалов благодаря творчеству А. П. Чехова, на что указывает в жур-

нале «Невропатология и психиатрия» в 1958 г. О. В. Кербиков.

В рассказе «Психопаты» Антон Павлович дает строго научную характеристику этого состояния, выделяя такие свойства характера психопата, как мнительность, трусость, беспредметный страх («что-то будет!»).

«...Я врач и посему, чтобы не осрамиться, должен мотивировать в рассказах медицинские случаи», — писал А. П. Чехов в связи с рассказом «Именины». И потом был чрезвычайно обрадован, когда узнал, что читательницы одобрительно отзываются о достоверности сцены родов в этом рассказе.

В описании «медицинских случаев» Чехов использует разработанную им манеру письма: несколькими характерными штрихами создавать целостную картину болезни.

Повесть «Мужики» открывается болезнью лакея гостиницы «Славянский базар» Николая Чикильдеева: «...У него онемели ноги и изменилась походка, так что однажды, идя по коридору, он споткнулся и упал вместе с подносом, на котором была ветчина и горошек. Пришлось оставить место».

Если лакей, привыкший лавировать с подносами среди столиков, спотыкается и падает в пустом и свободном коридоре, значит он действительно болен очень серьезно.

Как блестящее звездой на плотине горлышко от разбитой бутылки создает иллюзию лунной ночи, так валенки в летнюю пору на ногах Чикильдеева позволяют читателю представить тяжело больного человека.

В рассказе «Учитель» мы узнаем о смертельной болезни Федора Лукича Сысоева по тому, как он собирается к торжественному обеду. Надевая парадный костюм и штиблеты, он так утомился, что вынужден был прилечь и выпить воды.

Буквально в двух фразах рассказано о болезни Павла Ивановича (рассказ «Гусев»), погибающего от тубер-

кулеза: «Этот человек спит сидя, так как в лежащем положении он задыхается... От кашля, духоты и от своей болезни он изнемог, тяжело дышит и шевелит высохшими губами». Мы не удивляемся, когда вдруг обрываются обличительные монологи Павла Ивановича и мы узнаем, что этот «неспокойный человек» умер.

«Право, недурно быть врачом и понимать то, о чем пишешь», — заметил Антон Павлович в одном из своих писем.

Рассказы и пьесы доктора А. П. Чехова лучше многих специальных журналов и книг показывают, какие медицинские проблемы занимали помыслы людей на заре нынешнего века.

Такая «модная» сегодня болезнь, как рак, упоминается всего в трех произведениях Антона Павловича. Вернее, в двух, потому что смерть героя рассказа «Крыжовник» от рака желудка осталась только в первоначальных замыслах писателя.

В «Попрыгунье» доктор Дымов вскрывает труп больного злокачественной анемией и находит у него рак поджелудочной железы.

Более подробно онкологическая больная изображена в повести «Три года».

Хочется отметить, что, редактируя эту повесть, которая задумывалась как роман, Антон Павлович производит значительные сокращения текста, но при этом сохраняет большинство подробностей, имеющих отношение к болезням ее героев.

Позволю себе напомнить сюжет этого широко известного произведения.

(Однако мне давно уже следовало оговориться, что разбирать по ниточкам произведения А. П. Чехова опасно: это разрушает их тончайшую художественную ткань. Чехова надо читать и перечитывать.)

Алексей Лаптев — сын московского купца-миллионера безнадежно влюблен в дочку провинциального врача

Юлию Сергеевну. Он делает ей предложение и получает отказ. Но поразмыслив, что брак с порядочным, образованным, добрым и любящим ее человеком может изменить ее неинтересную жизнь с капризным и эгоистичным отцом, Юлия Сергеевна соглашается.

После свадьбы молодые понимают, что совершили непоправимую ошибку и глубоко страдают.

Рядом с ними живут и страдают близкие им люди: ослепший и брошенный всеми отец Алексея — основатель галантерейной торговли «Федор Лаптев и сыновья», потерявший рассудок брат Алексея, умирающая от рака грудной железы сестра Алексея — Нина Федоровна, на истории болезни которой мы и остановимся.

Нине Федоровне еще не исполнилось 40 лет. Мы застаем ее после операции — удаления груди.

Живет она в провинциальном городе (по улице мимо ее дома гоняют стадо). Но город, надо полагать, не маленький, потому что в нем практикует 28 врачей — цифра по тем временам значительная, если учесть, что всего в России, когда писалась повесть, значилось чуть более 12,5 тысячи врачей. Больше всего врачей было сосредоточено в Петербурге (1500 врачей) и в Москве (1000 врачей). В сельской местности один врач обслуживал в среднем 33 тысячи человек, а в ряде губерний России один врач приходился на 50 и более тысяч жителей.

Однако вернемся к повести А. П. Чехова.

Чтобы сделать Нине Федоровне несложную операцию, хирурга приходится выписывать из Москвы — из местных медиков никто не взялся. Дело, конечно, не в низкой квалификации докторов, а в боязни их подорвать свою репутацию.

Еще в средние века английский хирург Джон Арденский по этим же соображениям не советовал коллегам оперировать пациентов, страдающих злокачественными опухолями.

Возможно, что доктора, наблюдавшие Нину Федоров-

ну, не знали о существовании такого хирурга и его советах, но в конце XIX в. эти заболевания, так же как и 600 лет назад, в большинстве случаев заканчивались печально.

Судьба несчастной Нины Федоровны не явилась исключением: она таяла на глазах, слабела, и все ожидали возобновления болезни.

Рецидив развился через несколько месяцев.

«...Резкая бледность делала ее похожей на мертвую, особенно, когда она лежала на спине...» — так рисует писатель портрет больной.

Онкология в то время еще не выделилась в отдельную отрасль медицины, и Алексей Лаптев хотел пригласить из Москвы какого-нибудь специалиста по внутренним болезням. (Первое в России специализированное учреждение для лечения раковых больных, выросшее затем в Московский научно-исследовательский онкологический институт им. П. А. Герцена, было открыто на средства, собранные в порядке частной инициативы, лишь в 1903 г.).

А. П. Чехов показывает, как на протяжении болезни изменяется психика Нины Федоровны.

Вначале она трезво оценивает свое положение и понимает, что ее ожидает: «...Нет уж, когда конец, то не помогут ни доктора, ни старцы».

Но стоило ей однажды почувствовать себя чуточку лучше, подняться на ноги, как вдруг появилась уверенность, что она непременно выздоровеет. И потом, когда уже стало совсем плохо, «несмотря на сильные боли, она воображала, что выздоравливает, и каждое утро одевалась как здоровая, и целый день лежала в постели одетая».

Чехов как врач хорошо ориентирован в симптоматике злокачественных опухолей. В 1900 г. на вопрос журналиста М. О. Меньшикова, какой болезнью страдает Л. Н. Толстой, он отвечает, что рака у него нет, так как эта болезнь прежде всего отразилась бы на аппетите, на

общем состоянии, а главное, «лицо выдало бы рак, если бы он был. Вернее всего, что Л. Н. здоров... и проживет еще лет двадцать», — заключает Антон Павлович.

«Рак — болезнь тяжелая, невыносимая. Смерть от него страдальческая», — пишет А. П. Чехов Суворину и спешит поделиться с ним радостным известием из газеты «Врач», что найдено средство от рака.

К сожалению, сенсационное сообщение доктора Денисенко из Брянска об успешном лечении злокачественных опухолей соком чистотела не нашло подтверждения в наблюдениях других врачей.

Нельзя не отметить, что в повести «Три года» Антон Павлович вскользь затронул коренной вопрос онкологии: муж больной, давая характеристику местным медикам, упрекает их в том, что они ничем не интересуются и не знают, что такое рак, отчего он происходит.

Действительно, что же было известно об этой болезни к тому моменту, когда Чехов работал над повестью (1894 г.)?

Уже прошло более 100 лет с тех пор, как хирург лондонского госпиталя Персиваль Потт описал рак у трубочистов — профессиональный рак, возникающий, как он полагал, в результате длительного действия на кожу сажи. Но гипотеза Потта еще долго не находила подтверждения. Только в 1915 г. японским ученым К. Ямагиве и К. Ичикаве удастся вызвать у кроликов рак кожи путем воздействия на нее каменноугольной смолой и тем самым положить начало эре изучения химических канцерогенов.

Еще микробиологи А. Боррель и Ф. Боск не высказали предположение, что опухоль может образовываться в результате вирусного воздействия, они напишут об этом только в 1903 г. Лишь в 1910 г. Пейтон Раус сумеет доказать это в опытах на курах, а спустя еще полвека этот 87-летний американский ученый получит за свою работу Нобелевскую премию.

Когда была опубликована повесть «Три года», только успел родиться будущий академик Лев Александрович Зильбер — выдающийся советский микробиолог, иммунолог и вирусолог, создавший современную вирусогенетическую концепцию рака.

Во второй половине XIX в. в онкологии господствовали две гипотезы: «теория раздражения» Р. Вирхова, объясняющая возникновение опухолей как результат воспалительного разрастания тканей на почве хронического их повреждения, и «теория эмбриональных зачатков» Ю. Конгейма, согласно которой опухоль появляется как следствие дефекта эмбрионального развития.

Антон Павлович, безусловно, был знаком с работой Рудольфа Вирхова «Учение об опухолях», которая появилась в 1867 г. Он очень высоко ценил этого немецкого патолога и в письме издателю А. С. Суворину ставит его рядом со своими учителями, выдающимися медиками — Н. И. Пироговым, С. П. Боткиным и Г. А. Захарьиним.

Однако А. П. Чехов понимал, что в теориях о происхождении рака много сложного, неясного. Когда один из героев его повести Панауров — муж больной Нины Федоровны принялся объяснять, что такое рак, Антон Павлович сделал ироническую ремарку: «Он был специалистом по всем наукам». И только одна Нина Федоровна была уверена, что рак грудной железы у нее от несчастной любви.

Большинству выдающихся открытий в онкологии еще только предстояло свершиться. И не случайно, что в век А. П. Чехова наука эта находилась в зачаточном состоянии: не рак «делал погоду» в статистике смертности населения. Рак — болезнь людей преимущественно пожилого и старого возраста. В конце же прошлого века средняя продолжительность жизни в России составляла чуть более 30 лет (а лечение в 60, говорит Чехов устами доктора Дорна из «Чайки», следует рассматривать как поступок весьма легкомысленный).

Значительно чаще, чем рак, в произведениях и письмах Антона Павловича упоминается чахотка, туберкулез.

Умирает от туберкулеза студент Саша — из последнего чеховского рассказа «Невеста»; безуспешно лечится от туберкулеза жена главного героя пьесы «Иванов»; задыхаются в пароходном лазарете по пути с Дальнего Востока на родину солдаты, больные последней стадией чахотки (рассказ «Гусев»).

Гневно звучат слова доктора Чехова, вложенные им в уста одного из героев этого жуткого рассказа:

«...Как это вы, тяжело больные, вместо того, чтобы находиться в покое, очутились на пароходе, где и духота, и жар, и качка — все, одним словом, угрожает вам смертью... Ваши доктора сдали вас на пароход, чтобы отвязаться от вас... Для этого нужно только... не иметь совести и человеколюбия...»

И действительно, солдаты не выдерживают этого далекого перехода. Они умирают один за другим, и их хоронят в море, зашивая в саван из парусины.

Интерес Чехова к туберкулезу нельзя объяснить только тем, что сам писатель был смертельно болен этой болезнью. Достаточно вспомнить погибшую от чахотки Марусю Приклонскую из рассказа «Цветы запоздалые», который он написал, будучи еще здоровым.

Интерес Антона Павловича к туберкулезу обусловлен прежде всего тем, что чахотка в то недалекое от нас время была самым распространенным заболеванием и занимала первое место среди причин смерти. Даже эпидемия холеры 1892 г., в ликвидации которой участвовал земский врач А. П. Чехов, унесшая в России около 300 000 жизней, наделала меньше бед, чем ежегодно приносил туберкулез.

И когда в 1897 г. в России боялись эпидемии чумы, Чехов писал Суворину, что «и без чумы у нас из 1000 доживает до 5-летнего возраста едва 400, а в деревнях и

городах на фабриках и в задних улицах не найдете ни одной здоровой женщины...»

Недоедание и голод в значительной степени способствуют распространению туберкулеза. И в рассказе «Устрицы» Антон Павлович дает великолепное описание «странной болезни», как он определяет голод, болезни, которой нет в медицинских учебниках, самой распространенной в то время, от которой и сегодня еще не застрахована половина населения земного шара:

«...Боли нет никакой, но ноги мои подгибаются, слова останавливаются поперек горла, голова бессильно склоняется набок...»

Социально-экономический прогресс и огромные достижения медицины в борьбе с тяжелыми инфекциями, детской смертностью и туберкулезом привели к тому, что люди стали жить гораздо дольше: в СССР средняя продолжительность жизни увеличилась в 2 с лишним раза.

Сегодня на авансцену вышли другие болезни. И другие врачи, вооруженные точнейшими знаниями биологических законов, оснащенные новейшей аппаратурой и медикаментозными средствами, пришли в клиники.

Но с замиранием сердца мы следим за развитием болезни доктора Дымова; до слез нас трогает судьба задыхающихся в корабельном лазарете бунтаря Павла Ивановича и тихого безропотного Гусева; нельзя спокойно читать об участии узников палаты № 6.

И даже когда вовсе исчезнут с лица земли болезни, описанные Чеховым, «чужая боль», выстраданная гениальным писателем, будет тревожить и возбуждать человеческие сердца.

МЕДИЦИНА НЕ МОЖЕТ УПРЕКАТЬ МЕНЯ В ИЗМЕНЕ...

Если бы надо было предпослать этой главе эпиграф, я взял бы его из статьи Антона Павловича о Н. М. Пржевальском.

«...Подвижники нужны как солнце, — писал Чехов. — ...Их личности — это живые документы, указывающие обществу, что... есть еще люди подвига, веры и ясно сознанной цели. Если положительные типы, создаваемые литературою, составляют ценный воспитательный материал, то те же самые типы, даваемые самою жизнью, стоят вне всякой цены. В этом отношении такие люди, как Пржевальский, дороги особенно тем, что смысл их жизни, подвиги, цели и нравственная физиономия доступны пониманию даже ребенка... Понятно, чего ради Пржевальский лучшие годы своей жизни провел в Центральной Азии, понятен смысл тех опасностей и лишений, каким он подвергал себя, понятен весь ужас его смерти вдали от родины... Читая его биографию, никто не спросит: зачем? почему? какой тут смысл? Но всякий скажет: он прав».

Публикация эта появилась примерно за год до того, как в письмах А. П. Чехова зафиксированы первые упоминания о готовящейся поездке на Сахалин.

Поскольку Антон Павлович не афишировал предстоящую поездку, и для многих, даже самых близких людей она явилась неожиданной, можно предположить, что он задумал ее раньше, чем можно считать, ориентируясь на

его письма. По крайней мере, когда Антон Павлович писал очерк о Пржевальском, он был уже морально готов к опасностям и лишениям, которые выпадут на его долю.

Во времена Чехова о Сахалине сложили пословицу: «Кругом море, а посередине — горе».

Антон Павлович считает для себя необходимым окунуться в это горе, побывать на этом острове невыносимых человеческих страданий.

«...В места, подобные Сахалину, мы должны ездить на поклонение, как турки ездят в Мекку», — пишет он А. С. Суворину, высказавшему сомнение в целесообразности чеховской затеи.

Антон Павлович на протяжении нескольких месяцев тщательно готовится к путешествию. Изучает и реферировал уйму литературы очень широкого диапазона: от истории открытия и освоения острова («...Не далее, как 25—30 лет назад наши же русские люди, исследуя Сахалин, совершали изумительные подвиги, за которые можно боготворить человека...») до статей по геологии, этнографии и уголовному праву. Вот где ему пригодился опыт работы с научной литературой, приобретенный еще в студенческие годы, когда он собирался писать диссертацию по истории врачебного дела в России.

А. П. Чехов критически оценивает попадающие ему в руки материалы, бракуя статьи, которые писались людьми, знающими о Сахалине только понаслышке, или теми, кто «на сахалинском вопросе капитал нажили и невинность соблюли».

В последующем, в процессе работы над своими очерками, Чехов снимет многие ссылки на недостоверные источники, противопоставляя им данные, полученные им самим. А по поводу «похвального слова» сахалинской каторге, произнесенного генерал-губернатором А. Н. Корфом в присутствии писателя, заметит, что это «не мирилось в сознании с такими явлениями, как голод, по-

вальная проституция ссыльных женщин, телесные наказания».

Так или иначе, но книги открыли ему глаза на то, чего он раньше не знал и что, по убеждению Чехова, «под страхом 40 плетей» следует знать всякому: «...Мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников и все это свалили на тюремных красноносых смотрителей...»

В одном из очерков А. Моруа проводит любопытную мысль, что в своем творчестве писатель «компенсирует себя как может за некие несправедливости судьбы», возобновляя жизнь в своих произведениях под новой маской. Так, по его мнению, Фабриций в «Пармской обители» — это Стендаль в роли молодого и красивого аристократа.

Несложно заметить связь между А. П. Чеховым и некоторыми из его героев. Но он не прячет свое лицо за чужой маской.

Хотя научная карьера Антона Павловича не удалась, он не изображает себя в образе преуспевающего профессора, а, преодолевая тяжелую болезнь, едет на Сахалин, где прodelывает большую научно-исследовательскую работу.

Отправляясь на Сахалин, скромнейший Антон Павлович пишет А. С. Суворину: «...Еду я совершенно уверенный, что моя поездка не даст ценного вклада ни в литературу, ни в науку: не хватит на это ни знаний, ни времени, ни претензий... Я хочу написать хоть 100—200 страниц и этим немножко заплатить своей медицине...»

Последнее признание представляется весьма существенным: Чехов собирается взглянуть на каторгу глазами врача.

Но прежде надо было попасть на далекий остров.

Из Москвы он выехал в середине апреля 1890 г. До-

рога до Сахалина продолжалась почти три месяца — 81 день.

Это был трудный и рискованный путь в открытой повозке то под холодным дождем по невылазной грязи с переправами через бурные в половодье реки, то в жару и зной сквозь удушливый дым лесных пожаров.

«...От неспянья и постоянной возни с багажом, от прыганья и голодовки было кровохарканье, которое портило мне настроение, и без того неважное», — признается писатель в одном из писем с дороги.

В связи с этим мне представляются по меньшей мере неубедительными попытки некоторых биографов Чехова (в частности, Юрия Соболева) объяснить мотивы этой поездки бегством писателя от «скучной и нудной жизни», которую он якобы влачил до сих пор.

Описывая свое первое появление на острове, когда толпа каторжан, стоявших возле пристани, выполняя одно из унижительных правил устава, словно по команде сняла перед ним шапки, А. П. Чехов не удержится от иронического замечания: «...Такой чести до сих пор, вероятно, не достаивался еще ни один литератор...»

И хотя каторжане не знали, кого они приветствуют, в факте этом, подмеченном писателем, содержится что-то символическое: любой просвещенный и честный человек готов снять шляпу перед автором «Острова Сахалина».

«...Чувство благодарности за большое духовное наслаждение, доставленное мне его произведениями, сливается у меня с мыслью о той не только художественной, но и общественной его заслуге, которая связана с его книгой о Сахалине», — напишет в своих воспоминаниях известный юрист и литератор А. Ф. Кони.

С нашей склонностью все округлять, я чуть-чуть не написал, что Чехов пробыл на Сахалине 3 месяца, тогда как сам Антон Павлович точно указал: 3 месяца и 2 дня.

Эта точность — лишнее доказательство того, как нелегко ему далась эта жизнь в аду.

За это, в общем-то, короткое время Чеховым была проделана колоссальная работа: он прошел весь остров с севера на юг, побывал почти во всех населенных пунктах и познакомился с жизнью большинства ссыльных. Он был на ногах с пяти утра до поздней ночи.

«...Я видел все, кроме смертной казни», — напишет он по возвращении.

Чехов говорил, что материала, собранного им на Сахалине, «хватило бы на три диссертации», хотя не без основания подозревал, что какие-то существенные стороны сахалинской действительности от него были скрыты.

Сейчас доподлинно известно, что начальник Главного тюремного управления М. Н. Галкин-Враский отдал тайное распоряжение не допускать Антона Павловича до общения с политическими ссыльными. Это указание из столицы породило секретный приказ начальника острова, направленный в округа, который цитируется здесь по книге Н. И. Гитович «Летопись жизни и творчества А. П. Чехова»: «Выдав свидетельство лекарю Антону Павловичу Чехову о том, что ему разрешается собирать разные статистические сведения и материалы, необходимые для литературной работы об устройстве на острове Сахалине каторги и поселений, с правом посещения им тюрем и поселений, поручаю Вам иметь неослабное наблюдение за тем, чтобы Чехов не имел никаких сношений с ссыльно-каторжными, сосланными за государственные преступления и административно сосланными, состоящими под надзором полиции».

Чтобы знакомство с жизнью ссыльных не было поверхностным, А. П. Чехов единолично проводит перепись всего населения по специально разработанной им подробной анкете, содержащей 12 пунктов. Администрация острова предложила ему помощника, но он решительно отказался, поскольку, заполняя анкету, имел возможность побеседовать с опрашиваемым.

А. П. Чехов привезет домой более 10 тысяч статистических карт, позволивших провести глубокое медико-социологическое исследование. И хотя Антон Павлович с присущей ему скромностью заметит, что результаты исследования не могут отличаться полностью, более серьезных данных не найти ни в литературе того времени, ни в сахалинских канцеляриях. К этому следует добавить, что, по данным нашего современника, исследователя творчества Чехова Е. Б. Меве, перепись населения на острове, произведенная Чеховым, была первой частичной переписью в России, в основу которой был положен научно-статистический метод разработки.

О том, что Чехов прекрасно понимал разрушительную силу молчаливых цифр, добытых статистическим методом, свидетельствует фраза из рассказа «Крыжовник»: «Все тихо, спокойно, и протестует одна только немая статистика: столько-то с ума сошло, столько-то ведер выпито, столько-то детей погибло от недоедания...»

Книга «Остров Сахалин» носит скромный подзаголовок: «Из путевых записок». Но, по существу, это серьезный научно-исследовательский труд. Ради академичности работы Чехов отказался от детективно-занимательных сюжетов, которыми щедро снабжала его каторга. Однако в отличие от обычных научных работ, в которых процесс познания ученым предмета исследования остается «за сценой», в «Острове Сахалине» читатель становится очевидцем и участником проводимого исследования. Вместе с автором он видит ту предельную степень унижения человека, дальше которой, по словам Чехова, нельзя уже идти.

Особое значение Антон Павлович придавал материалам переписи детского населения. В архиве писателя хранится 2122 статистические карты, в которых зафиксированы все малолетние обитатели острова. А вот как он рисует обобщенный портрет «сахалинского ребенка»: «...Сахалинские дети бледны, худы, вялы; они одеты

в рубище и всегда хотят есть... Жизнь впроголодь, питание иногда по целым месяцам одною только брюквой, а у достаточных — одною соленою рыбой, низкая температура и сырость убивают детский организм чаще всего медленно, изнуряющим образом, мало-помалу перерождая все его ткани...»

Дети в условиях каторги обречены на вымирание, и матери хотят только одного: чтобы «господь милосердный прибрал их поскорее»...

Антон Павлович, справедливо считавший проституцию одним из самых позорных явлений российской действительности, с особой болью рассказывает о сахалинских девочках, вынужденных торговать своим телом, описывает семьи, в которых мать и дочь «обе поступают в сожительницы к поселенцам и обе начинают рожать как бы в перегонку».

Страшная участь сахалинских детей не идет у него из головы. Это — как тяжелейшее потрясение:

«Я видел голодных детей, видел тринадцатилетних содержанок, пятнадцатилетних беременных, — сообщает он в одном из писем к А. Ф. Кони. — Проституцией начинают заниматься девочки с двенадцати лет. Школа существует только на бумаге — воспитывают же детей только среда и каторжная обстановка...»

После возвращения домой А. П. Чехов пытается хоть минимально улучшить положение сахалинской детворы: собирает по подписке деньги, посылает на остров книги и учебные пособия, хлопочет об открытии приютов.

Особую окраску очеркам придают описания сахалинской природы, которую Чехов чаще всего показывает в восприятии осужденного на каторгу человека («Каторжане, глядя на мрачный берег Дуэ, плакали»).

Писатель постоянно подчеркивает, что на острове все предназначено для угнетения человека. И даже такая живописная деталь, как ворота, — «не простые обывательские ворота, а вход в тюрьму».

И когда на острове по случаю прибытия генерал-губернатора устраивается фейерверк, А. П. Чехов замечает: «...Каторга и при бенгальском освещении остается каторгой, а музыка ... наводит только смертельную тоску».

Трубы и барабаны военного оркестра не в состоянии заглушить мерный звон кандалов, который слышится и в шуме морского прибоя, и в гуденье телеграфных столбов, и даже в мертвой тишине острова.

Звон кандалов — тот камертон, по которому А. П. Чехов настраивает свое перо, когда пишет эту страшную в своей правдивости и обыденности книгу.

Завершающая глава очерков целиком посвящена исследованию заболеваемости и смертности населения Сахалина, а также организации медицинского обслуживания.

Для выяснения этих вопросов А. П. Чехов использовал материалы больничных отчетов, а главное — метрических книг, из которых он выписал причины смерти за последние 10 лет.

Антон Павлович предупреждает, что данные, полученные им, нельзя считать полными и абсолютно достоверными, так как в метрические книги записываются только христиане; при этом регистрация производится священником по записке врача или фельдшера, и Чехов встречал там самые невообразимые диагнозы, как, например, «неразвитость к жизни».

И все-таки эти источники информации позволили исследователю сделать важный вывод о том, что основной причиной смерти ссыльного населения является туберкулез легких, свирепствующий на острове.

Он вскрывает специфические причины распространения этой болезни на острове: «...Значительная смертность от чахотки в ссыльной колонии зависит, главным образом, от неблагоприятных условий жизни в общих тюремных камерах и непосильной тяжести каторжных

работ, отнимающих у рабочего больше, чем может дать ему тюремная пища. Суровый климат, всякие лишения, претерпеваемые во время работ, побегов и заключения в карцерах, беспокойная жизнь в общих камерах, недостаток жиров в пище, тоска по родине — вот главные причины «сахалинской чахотки».

А. П. Чехов не обошел своим вниманием и тюремную медицину. Он показал, как за лоснящимся фасадом, украшенным бюстом С. П. Боткина, процветают воровство, равнодушие и даже садизм.

Когда Антон Павлович увидел на руднике старика-кавказца в глубоком обмороке и попросил врача дать ему хоть валериановых капель, выяснилось, что в аптечке нет никаких лекарств.

А. П. Чехов встречал на острове большое количество ран и трофических язв, но ни разу не слышал запаха иодоформа. И все это при том, что по отчетным данным на лекарства уходили громадные суммы.

Точно так же обстояло дело с простейшим медицинским инструментарием. Антон Павлович в тюремном лазарете попытался вскрыть гнойник, и ему все время подавали крайне тупые скальпеля. Между тем, смета, отпущенная на лазарет, в 2,5 раза превышала расходы лучшей в Московской губернии Серпуховской земской больницы.

Обстановка Александровского лазарета потрясает своим ужасом: «В бараке, где находятся больные, на одной кровати лежит каторжный из Дуэ, с перерезанным горлом; рана в полвершка длины, сухая, зияющая; слышно, как сипит воздух. Больной жалуется, что на работе его придавило обвалом и ушибло ему бок: он просился в околоток, но фельдшер не принял его, и он, не перенеся этой обиды, покусился на самоубийство, — хотел зарезаться. Повязки на шее нет, рана предоставлена себе самой. Направо от этого больного, на расстоянии 3—4 аршина от него, — китаец с гангреной, на-

лево — каторжный с рожей... У хирургических больных повязки грязные, морской канат какой-то подозрительный на вид, точно по нему ходили».

В эпоху таких выдающихся врачей, как Г. А. Захарьин и С. П. Боткин, лечение в тюремном лазарете превращается в профанацию медицины: врач должен ставить диагноз, не прикоснувшись к больному, на расстоянии, так как между ним и пациентом — преграда из деревянной решетки и надзиратели с револьверами.

Во что можно превратить самую гуманную на земле профессию, писатель показывает в наблюдаемой им сцене освидетельствования перед наказанием:

«...Доктор, молодой немец, приказал... раздеться и выслушал сердце для того, чтобы определить, сколько ударов может вынести этот арестант. Он решает этот вопрос в одну минуту и затем с деловым видом садится писать акт осмотра...»

Больничные порядки на острове отстали от цивилизации, по мнению А. П. Чехова, на два века, и он не удивился бы, если бы увидел, что умалишенных здесь сжигают на кострах по указанию тюремных врачей.

К обвинительному заключению русской каторге, собранному писателем и журналистом, добавились материалы, добытые Чеховым-врачом.

Над «Сахалином» Антон Павлович работал долго. Он планировал отдать этой книге «годика три» и считал, что хотя и не является специалистом, но «напишет кое-что дельное». Он очень серьезно смотрел на эту свою работу и мечтал, чтобы книга, пережив автора, стала «литературным источником и пособием для всех интересующихся тюремоведением».

«...Мой «Сахалин» — труд академический... — напишет он А. С. Суворину после завершения работы над книгой. — Медицина не может теперь упрекать меня в

измене: я отдал должную дань учености и тому, что старые писатели называли педантством. И я рад, что в моем беллетристическом гардеробе будет висеть и сей жесткий арестантский халат...»

Книге этой он придавал серьезное значение и однажды в присутствии Михаила Павловича высказал предположение, что за нее ему могут присудить степень доктора медицины *honoris causa*.

Если подходить к этой его работе со строгих позиций современного ВАКа, то она, как принято формулировать в таких случаях, удовлетворяет всем самым высоким требованиям, предъявляемым к диссертациям, а ее автор, совершивший гражданский и научный подвиг, несомненно, заслуживает искомой степени.

Но в этом ему было отказано: декан медицинского факультета, к которому обратился одноклассник и друг Антона Павловича профессор Г. И. Россолимо, не пожелал даже разговаривать с ним на эту тему. Дело, конечно, не в том, что патологоанатом профессор И. Ф. Клейн не оценил по достоинству научного значения работы А. П. Чехова. И не в том, что на ученую степень претендовал автор «легкомысленных» рассказов, вчерашний Антоша Чехонте, как предположительно объяснял причину отказа К. И. Чуковский. Присуждение ученой степени автору «Острова Сахалина» означало бы официальное признание столь крамольной книги, а вместе с тем — существование тех чудовищных явлений, которые в ней описаны.

Однако книга Чехова выполнила ту задачу, которую ставил перед собой автор: она потрясла читающую публику, возбудив интерес общества к «острову изгнания» не только в России, но и за рубежом.

По примеру Антона Павловича на Сахалин устремились прогрессивные журналисты. Известный репортер и фельетонист В. М. Дорошевич рассказывал, что его долго не допускали на остров:

«— Тут, батюшка, Чехова пустили — так потом ка-
ялись. Пошли из Петербурга запросы... Как у вас? Что?
Почему? Отчего такие порядки? Потом себя кляли, что
показали!»

Под влиянием общественного мнения царское прави-
тельство вынуждено было направить на Сахалин своих
ревизоров и произвести некоторые реформы в положе-
нии каторжных и ссыльных.

СПАСТИ ХОРОШИЙ ХИРУРГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ТАК ЖЕ ПОЛЕЗНО, КАК СДЕЛАТЬ 20 000 УДАЧНЫХ ОПЕРАЦИЙ...

А. П. Чехов, создавший целую галерею портретов врачей самых разнообразных специальностей, исключительно редко обращался в своем творчестве к образу хирурга и ни разу не показал хирурга во время операции.

Конечно, не потому, что терапевт А. П. Чехов пренебрежительно относился к своим коллегам-хирургам. Нельзя всерьез воспринимать реплику фельдшера Курятина, удаляющего зуб у дьячка Вонмигласова: «Хирургия — пустяки... Тут во всем привычка, твердость руки. Раз плюнуть...»

Антон Павлович не переставал восхищаться успехами современной ему медицины: «...Одна хирургия сделала столько, что оторопь берет. Изучающему теперь медицину, время, бывшее 20 лет назад, представляется просто жалким», — это сказано уже серьезно.

Сегодня мы знаем, что великий русский писатель сам сыграл исключительную роль в развитии научной хирургической мысли и в подготовке хирургических кадров, приняв активное участие в издании хирургического журнала.

В 1896 г. из-за отсутствия кредита прекратил существование московский журнал «Хирургическая летопись».

Журнал этот начал выходить в 1891 г. Несмотря на то, что число подписчиков его из года в год увеличивалось и «Хирургическая летопись» пользовалась успехом

уже и в Европе, издатели журнала терпели убыток, который несколько лет покрывал из своих средств один из редакторов «Летописи» выдающийся русский хирург, профессор Николай Васильевич Склифосовский (его имя сегодня носит Московский институт скорой помощи — крупнейший в стране).

Но в 1893 г. профессор Н. В. Склифосовский получил назначение на работу в Петербург, где вскоре стал редактировать журнал «Летопись Русской хирургии». В 1895 г. он был вынужден предупредить второго редактора московского журнала профессора П. И. Дьяконова о том, что не сумеет в дальнейшем покрывать убытки.

Петр Иванович Дьяконов через своего друга и однокашника Ивана Германовича Витте, работавшего хирургом в Серпуховской больнице, обратился за советом к Чехову.

Угрозу гибели передового медицинского журнала из-за полутора-двух тысяч рублей Антон Павлович расценил как очередную нелепость российской действительности. Если бы не затеянная им уже постройка школы в Талеже — в нескольких верстах от Мелихова, потребовавшая всех его небольших финансовых сбережений, он сам взялся бы издавать журнал.

Чехов прекрасно понимал, что хирургический журнал особенно необходим в дни, когда пробивали себе дорогу асептика и антисептика, способные коренным образом изменить мрачную атмосферу хирургических клиник, когда надо было с этих новых позиций учить и переучивать хирургические кадры.

«...Чтобы спасти журнал, я готов идти к кому угодно и стоять в чьей угодно передней, — пишет А. П. Чехов Суворину, спрашивая совета, каким образом можно получить субсидию для издания журнала. — И если мне удастся, то я вздохну с облегчением и чувством удовольствия, ибо спасти хороший хирургический журнал так же полезно, как сделать 20 000 удачных операций...»

Хлопоты о спасении журнала А. П. Чехов взвалил на себя добровольно и вполне обдуманно. По его глубоко-му убеждению, оба редактора журнала — маститые хирурги, профессора Н. В. Склифосовский и П. И. Дьяконов — были людьми в практическом отношении наивными, настоящими детьми. Среди врачей Чехов был одним из немногих, кто имел опыт общения с издательским миром.

Впоследствии Петр Иванович Дьяконов писал Антону Павловичу: «...Вы единственный человек, глубоко и верно понимающий значение журнала, и без Вас он не появился бы...»

А. С. Суворин, откликнувшись на призыв Чехова, согласился взаимобразно предоставить субсидию в полторы тысячи рублей.

Ответное письмо Антона Павловича по этому поводу полно ликования: «...Что касается «Хирургической летописи», то она сама, все хирургические инструменты, биндажи, бутылки с карболкой кланяются Вам до земли», — в шутовском тоне благодарит он Суворина и обещает в кратчайшие сроки возратить ссуду.

Но ровно через две недели Антону Павловичу придется «бить отбой» и под благовидным предлогом отказываться от Суворинских денег.

Дело в том, что Петр Иванович Дьяконов — человек передовых взглядов, убежденный демократ, сам бывший земский хирург и любимец земских хирургов — отказался принять подачку от реакционера Суворина даже под угрозой «голодной» смерти своего детища. Антон Павлович не стал убеждать профессора Дьяконова, как это делал нередко, что Суворин-человек и Суворин-редактор «Нового времени» — два разных лица.

По-видимому, принципиальная позиция Дьяконова, хотя и осложнила решение проблемы, но в конечном итоге была одобрена Чеховым, и он вступил в переговоры с книгоиздателем И. Д. Сытиным¹³.

Ясно сознавая, что хирургический журнал — не обычный коммерческий журнал, и что служит он особым, высоким целям, Антон Павлович едко стыдил издателя И. Д. Сытина: «...Вы начинаете разговор насчет сметы, точно речь шла о постройке казармы...»

Трудности, однако, заключались не только в том, чтобы подыскать издателя. Поскольку «Хирургическая летопись» прекратила уже свое существование, надо было получить еще разрешение от властей на издание нового журнала.

Антон Павлович, будучи в Петербурге на премьере «Чайки», от имени Дьяконова подает прошение в Главное управление по делам печати и потом через своих знакомых торопит решение. Он вникает во все вопросы, касающиеся издания журнала, вплоть до подбора сотрудников редакции. Сохранилось письмо Чехова, адресованное его товарищу по университету доктору Н. И. Коровову: «...Милый Николай Иванович, на сих днях, вероятно, будет разрешено проф. Дьяконову издавать журнал «Хирургия». Если ты не раздумал принимать участие в издании хирургического журнала, в его хозяйственной части (следить, чтобы типография Сытина своевременно доставляла корректуру статей, чтобы своевременно высылались гонорар авторам и проч. и проч.), то побывай у Дьяконова...»

Кстати, это Антон Павлович дал журналу новое имя: «Хирургия» — краткое, простое и выразительное, как все чеховские названия.

Разрешение из Петербурга было получено только 4 января 1897 г.

К этому моменту И. Д. Сытин, который и ранее колебался в своем решении (отказывал и обещал в одно и то же время, как заметил однажды А. П. Чехов), вовсе раздумал издавать журнал.

Встревоженный П. И. Дьяконов срочно сигнализирует Антону Павловичу и просит повлиять на Сытина: «...Под-

винтите, ради бога, Сытина, чтобы он не впадал в уныние и не пятился назад...»

Чехов без промедления снова вступает в переговоры с издателем, и, наконец, соглашение достигнуто. 11 января 1897 г. он направляет А. С. Суворину письмо. «...«Хирургия» разрешена. Начинаем издавать. Будьте добры, окажите услугу — велите напечатать прилагаемое объявление на первой странице и записать в мой счет. Журнал будет хороший, и сие объявление не может принести ничего, кроме осязательной существенной пользы. — И, как нередко, заканчивает шуткой: — Ведь большая польза, если людям режут ноги...»

Когда вышло в свет девять превосходных в научном отношении номеров, когда сформировался круг сотрудников, когда в редакционном портфеле образовался запас интересных статей и неуклонно увеличивалось число подписчиков, Сытин вновь заупрямился и предупредил, что с нового (1898) года прекращает финансировать издание.

Журнал, как выразился Чехов, вновь дышал на ладан, и Антон Павлович, сам едва оправившийся после тяжелого легочного кровотечения, снова бросился спасать «Хирургию».

Профессор Дьяконов делится с Чеховым не только горестными фактами из жизни своего детища, но и радостными событиями и постоянно встречает искреннее сочувствие и неподдельный интерес. Ему же первому Петр Иванович сообщает новость о получении на издание «Хирургии» большой суммы денег от своего богатого пациента.

Чехов ликует: «Хирургия» спасена! Деньги найдены!» — пишет он А. С. Суворину.

31 декабря, в канун нового, 1898 года, П. И. Дьяконов пишет А. П. Чехову: «...Вы поддерживаете во мне веру в мои силы и в успех того дела, которое я считаю насущно необходимым для движения нашей научной

мысли и для развития у нас научной, а не ремесленнической хирургии. Должен сказать, что поддержка мне нужна тем более, что здесь я встречаю везде одну только апатию, способную сокрушить самые благие стремления и самые радужные мечты...»

В знак благодарности профессор П. И. Дьяконов регулярно «преследует» Антона Павловича свежими номерами журнала и просит писателя сообщать свой заграничный адрес, когда он уезжает туда на лечение: «...Мне изо всех сил не хочется терять Вас из виду...»

Журнал «Хирургия» пережил Антона Павловича и своего редактора, скончавшегося в 1908 г. После смерти П. И. Дьяконова редакцию возглавили известные русские хирурги Н. И. Напалков и Н. Н. Терebinский.

За 18 лет существования, по данным исследователей, на его страницах было опубликовано 1605 работ по различным разделам хирургической науки и практики. В дореволюционной России это был один из самых популярных медицинских журналов — неофициальный рупор городских и земских хирургов.

По мнению профессора А. М. Заблудовского, популярность журнала была в значительной мере обусловлена теми симпатиями, которыми пользовался у земских врачей первый редактор журнала Петр Иванович Дьяконов. Думается, немалое значение имело и то, что у колыбели «Хирургии» стоял земский врач и великий русский писатель Антон Павлович Чехов.

КАК СЛАБА БЫЛА СТАРАЯ МЕДИЦИНА!

«...Кто слышал от него жалобы, кто знает, как страдал он?» — вопрошает И. А. Бунин в статье, посвященной памяти А. П. Чехова.

Это молчаливое превозмогание смертельного недуга длилось не месяц и не год. Бунин определил возраст болезни Чехова в 15 лет. Если же вести отсчет с момента первого кровохарканья, о котором Чехов сообщает Н. А. Лейкину в декабре 1884 г. («...три дня не видел белого плевка»), то надо прибавить еще пять лет.

В письме к А. С. Суворину от 14 октября 1888 г. Антон Павлович отнес начало своей болезни к 1885 г. В этой ошибке нет ничего удивительного, так как болезнь к этому времени приняла хроническое течение, стала повседневностью: «...Я два раза в год замечал у себя кровь... Третьего дня или днем раньше — не помню, я заметил у себя кровь, была она и вчера, сегодня ее уже нет».

До сих пор дебатруется вопрос, был ли А. П. Чехову вполне ясен диагноз его болезни?

Дело в том, что долгие годы (пока эскулапы, по выражению Антона Павловича, не вывели его из блаженного неведения) он ни разу не называет свою болезнь страшным словом — чахотка.

Трудно даже представить, чтобы такой грамотный врач, как А. П. Чехов, не знал столь выраженных симп-

томов кавернозного туберкулеза легких, которые сам же у себя находил:

«...Каждую зиму, осень и весну и каждый сырой летний день я кашляю. Но все это пугает меня только тогда, когда я вижу кровь: в крови, текущей изо рта, есть что-то зловещее, как в зареве...»

«Зловещее зарево» — этот символ смертельного ужаса повторно зазвучит на страницах «Скучной истории»:

«...В теле нет ни одного такого ощущения, которое указывало бы на скорый конец, но душу мою гнетет такой ужас, как будто я вдруг увидел громадное зловещее зарево», — скажет в своих записках обреченный на смерть Николай Степанович.

Да было ли «блаженное неведение»?

Вопрос этот не праздный: отношение А. П. Чехова к своей смертельной болезни характеризует его как человека мужественного, с поразительным самообладанием.

«Я болен. Кровохарканье и слаб... Надо бы на юг ехать, да денег нет».

Не потому ли на юг, что там лечат чахотку?

Когда у него на руках умирал от туберкулеза брат Николай, из уст Антона Павловича вырвалось сожаление: «...Бывают минуты, когда я искренне горюю, что я медик, а не невежда» — и это не только о ясной даже для непосвященного судьбе любимого брата, но и о своей собственной.

Поразительное по откровенности признание он сделал в одном из летних писем 1888 г., когда наблюдал постепенное угасание ослепшей и обездвиженной З. М. Линтваревой:

«...Мне уже начинает казаться странным не то, что докторша умрет, а то, что мы не чувствуем своей собственной смерти и пишем «Сумерки», точно никогда не умрем...»

Стоит в этой фразе заменить «мы» на «я» (ведь «Сумерки» написал А. П. Чехов, а не кто иной), и сразу ста-

нет явным намеком на тот разрушительный процесс, который денно и ночью происходит в его организме, и прогноз болезни, и не очень высокая оценка собственного сборника, и понимание того, что времени для творчества отпущено немного и надо спешить делать настоящие книги.

«Он был врач, — писал А. М. Горький, — а болезнь врача всегда тяжелее болезни его пациентов; пациенты только чувствуют, а врач и знает кое-что о том, как разрушается организм. Это один из тех случаев, когда знание можно считать приближающим смерть...»

Доктор Чехов безусловно понимал, что длительное лечение потребует коренной перемены образа жизни, и в то же время скептически относился к возможности полного выздоровления.

«...Лечение и заботы о своем физическом существовании внушают мне что-то близкое к отвращению. Лечиться я не буду», — категорически заявлял он. А поэтому весьма логично: «Выслушивать себя не позволю».

Он решил играть с болезнью «в темную» и почти 13 лет избегал врачебного осмотра, чтобы не услышать подтверждение диагноза, выставленного им самим («...вдруг откроют что-нибудь вроде удлиненного выдыхания или пригупления...»). Подобно тому, как профессор Николай Степанович из «Скучной истории» не рискует подвергать себя осмотру врача, чтобы по выражению лица своего коллеги, даже если ему не скажут правду, не прочитать приговор и не лишиться последней надежды.

«...У кого нет надежд? — рассуждает профессор. — Теперь, когда я сам ставлю себе диагноз и сам лечу себя, временами я надеюсь, что меня обманывает мое невежество, что я ошибаюсь...»

Чехов не любил говорить о своей болезни, а от некоторых из близких родственников ее просто скрывал.

«...С 1884 года начиная, у меня почти каждую весну бывали кровохарканья, — пишет он старшему брату в 1897 г. и предупреждает: — Дома о моей болезни ничего не знают, а потому не проговорись...»

Однажды, обсуждая вопрос о том, что врачам следует говорить больному о диагнозе, Антон Павлович в несколько утрированной форме преподал урок деонтологии — науки о поведении врача: «Каждый случай приходится индивидуализировать. Но во всех случаях не бывает надобности лгать больному, как это случается, когда лечишь рак или чахотку».

Здесь же был совсем особенный случай. Я бы характеризовал его как «деонтология наизнанку», когда больной, чтобы не огорчать родственников и друзей, скрывает от них правду о своей болезни и остается с ней один на один на протяжении долгих лет.

Только из воспоминаний современников А. П. Чехова и частично из его переписки нам стало известно, какие жестокие физические страдания выпали на его долю.

«...Антон Павлович даже и вида не подавал, что ему плохо, — вспоминает Михаил Павлович. — Он боялся нас смутить... Я сам однажды видел мокроту писателя, окрашенную кровью. Когда я спросил у него, что с ним, то он смутился, испугался своей оплошности, быстро смыл мокроту и сказал:

— Это так, пустяки. Не надо говорить Маше и матери».

Весьма странно и наивно после этого выглядит удивление Михаила Павловича по поводу того, что брат Антон, «будучи сам врачом, даже и не подозревал в себе (или не хотел подозревать) бугорчатого процесса...»

Юрист и писатель А. Ф. Кони, автор прекрасного очерка о тюремном враче Федоре Петровиче Гаазе, вспоминает, что когда Чехова спрашивали о его здоровье, он уходил от ответа, задавая контрвопрос из другой области.

Антон Павлович однажды сделал такую заметку в «Записной книжке»: «Человек любит поговорить о своих болезнях, а между тем это самое неинтересное в его жизни».

И когда скрывать уже стало невозможно, за несколько месяцев до неудержимого легочного кровотечения, уложившего его в клинику профессора А. А. Остроумова, он пишет своему другу-архитектору Ф. О. Шехтелю: «...Жениться в настоящее время я не могу, потому что, во-первых, во мне сидят бактерии, жильцы весьма сумнительные, во-вторых, у меня ни гроша, и, в-третьих, мне все еще кажется, что я очень молод...»

Спокойно-шутливый тон этого письма свидетельствует о том, что он давно знает своих «жильцов» в лицо, хотя и ни разу не смотрел на них под микроскопом.

Болезнь развивалась, как принято тогда было выражаться, *crescendo*, 22 марта 1897 г. у Чехова началось обильное кровотечение. А. С. Суворин, присутствовавший при этой катастрофе, случившейся за обедом в «Эрмитаже», вспоминает слова Антона Павловича: «...У меня из правого легкого кровь идет, как у брата и другой моей родственницы, которая тоже умерла от чахотки».

Тогда же он впервые был осмотрен врачами и вскоре госпитализирован в клинику.

А. С. Суворин, навестивший Антона Павловича, записал в своем дневнике: «...Больной смеется и шутит по своему обыкновению, отхаркивая кровь в большой стакан. Но когда я сказал, что смотрел, как шел лед по Москве-реке, он изменился в лице и сказал: «Разве река тронулась?». Я пожалел, что упомянул об этом. Ему, вероятно, пришло в голову, не имеет ли связь эта вскрывшаяся река и его кровохарканье? Несколько дней тому назад он говорил мне: «Когда мужика лечишь от чахотки, он говорит: «Не поможет. С вешней водой уйду».

Кровохарканье на этот раз было особенно продолжительным и прекратилось только через десять дней.

С позиций сегодняшнего дня мы можем сказать, что методы борьбы с легочным кровотечением, которые применялись к А. П. Чехову, были абсолютно неэффективны. Нельзя же всерьез думать, что кусочки льда, которые он периодически глотал, или пузырь со льдом, уложенный на грудь, способны вызвать охлаждение легких, спазм легочных сосудов и тем самым — остановку кровотечения. Основную роль в благоприятном исходе осложнения сыграли постельный режим, покой и резервные силы организма.

По господствовавшим в дорентгенологическую эру представлениям, развитие туберкулеза в легких начиналось с верхушки и затем распространялось на нижние отделы органа. Ограниченное поражение верхушки считалось начальной стадией процесса, тогда как наличие каверны относилось к третьей (запущенной) стадии.

По-видимому, чтобы Антон Павлович не думал, что болезнь зашла слишком далеко, врачи выдвинули версию «верхушечного процесса», о чем А. П. Чехов и сообщает А. С. Суворину: «Доктора определили верхушечный процесс в легких и предписали мне изменить образ жизни, — и далее рисует идиллическую картину: — ...Бросаю все уездные должности, покупаю халат, буду греться на солнце и много есть...»

Покой, тепло и полноценное питание, действительно, были необходимы для его здоровья (по данным медицинских документов, он был настолько истощен, что дефицит веса составлял почти 25 килограммов). Но в устах А. П. Чехова, постоянно пренебрегавшего своим здоровьем, подобное обещание звучало иронически. Даже здесь, в больнице, истекая кровью, он не переставал заботиться о постройке школы и обстановке квартиры учителя Н. И. Забавина.

Через 8 месяцев Антон Павлович решил проверить свой вес. Весил он 72 килограмма — ровно на 10 кило-

граммов больше, чем в марте. Но эти килограммы, надо полагать, он «набрал» за счет того, что «вешался в осеннем пальто, в шляпе, с палкой...» — как помечено в записной книжке писателя.

Здоровье ушло, и его уже не вернешь, понимал доктор Чехов и с грустью писал своему давнему другу Л. Мизиновой: «...Я не совсем здоров. У меня почти непрерывный кашель. Очевидно, и здоровье прозевал, так же, как Вас...»

За все двадцать лет болезни он ни разу не воспользовался правом на «больничный лист», хотя почти постоянно мечтал об отдыхе.

«— Знаете, Жан, что мне сейчас надо?.. — вспоминает Ив. Щеглов слова Антона Павловича вскоре после выписки из остроумовской клиники. — Год отдохнуть! Ни больше, ни меньше. Но отдохнуть в полном смысле... понимаете, один только год передышки, а затем я снова примусь работать, как каторжный!»

Как врач он знал, что жизнь его будет коротка, и поэтому не мог позволить себе такой «роскоши», как годичный отдых. И делал все возможное, чтобы сократить ее еще больше.

Он отправлялся на Сахалин, отчетливо представляя, что поездка эта угрожает не только его здоровью, но и самой жизни. В подтверждение можно привести ответ А. П. Чехова клеветникам из «Русской мысли» накануне отъезда: «Я, пожалуй, не ответил бы на клевету, но на днях я надолго уезжаю из России, быть может, никогда уже не вернусь...»

И так было во все времена его болезни. Он совершенно не считался с собой, со своим состоянием.

«...Болен и сижу дома... не могу мечтать о скорейшем выздоровлении...»

Строки эти написаны 26 января 1892 г. — через две недели после поездки в Нижегородскую губернию по делам помощи голодающим. А 2 февраля, то есть еще че-

рез неделю, он вновь по тем же неотложным делам забирался в глубинку Воронежской губернии.

А сколько здоровья отнимала работа на врачебном участке!

«В разъездах я от утра до вечера и уже утомился, хотя холеры еще не было. Вчера вечером мок на проливном дожде, не ночевал дома и утром шел домой пешком по грязи...»

Даже в последний — ялтинский, наиболее тяжелый для него период жизни Антон Павлович не переставал заботиться о больных.

Словно про себя он написал в «Рассказе старшего садовника»: «...У него самого была чахотка, он кашлял, но, когда его звали к больному, забывал про свою болезнь, не щадил себя и, задыхаясь, взбирался на горы, как высоки они ни были...»

Нет, в это время Антон Павлович уже почти не занимался медицинской практикой, и этими «высокими горами» для него была ежедневная забота о приезжающих в Ялту чахоточных бедняках, которые стекались туда со всех концов России «без гроша в кармане, — как писал К. И. Чуковский, — лишь потому, что им было известно, что в Ялте живет Антон Павлович Чехов: «Чехов устроит. Чехов обеспечит и койкой, и столовой, и лечением!»

«...Если бы у меня было много денег, я устроил бы здесь санаторий для больных учителей...» — вспоминает А. М. Горький слова Чехова.

И он устраивал. И писал воззвания о сборе средств в пользу немущих больных:

«Не нам, маленькой кучке ялтинских людей, удовлетворить огромную нужду едущих к нам со всех концов России больных людей, а между тем строить нужно, необходимо. Тяжелобольные все едут к нам, едут со всех концов России. Они приезжают в Ялту, как в последнюю инстанцию, где решается для них вопрос о жизни и смерти, приезжают жалкие, одинокие, измученные...»

И Чехов звал на помощь «всех, кто понимает ужас одиночества и заброшенности на чужой стороне больного человека, кто желает и может помочь приютить и устроить в Ялте близкого, — больного, одинокого, измученного...»

Воззвание А. П. Чехова «На помощь умирающим!» облетело Россию. Было собрано около 40 тысяч рублей. Антон Павлович добавил еще свои 5 тысяч и купил дом, который начали перестраивать под санаторий.

Когда в Гаспре в 1901 г. в крайне тяжелом состоянии с воспалением легких лежал Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, по свидетельству сына Толстого, сокрушался, что из-за своей болезни не может по очереди с другими врачами дежурить у постели Льва Николаевича, и постоянно справлялся о его здоровье.

Визиты А. П. Чехова были приятны Толстому и его окружению. Софья Андреевна Толстая записала в своем дневнике 12 октября 1901 года: «Был А. П. Чехов и своей простотой и признанной всеми талантливостью всем нам очень понравился и показался близким по духу человеком». В этой же записи она отметила, что на Чехове отразилась печать страшной болезни.

А. М. Горький в воспоминаниях писал: «...Чехова Лев Николаевич любил и всегда, глядя на него, точно гладил лицо взглядом своим, почти нежным в эту минуту. Однажды Антон Павлович шел по дорожке парка с Александрой Львовной, а Толстой, еще больной в ту пору, сидя в кресле на террасе, весь как-то потянулся вслед им, говоря вполголоса:

— Ах, какой милый, прекрасный человек, скромный, тихий, точно барышня. И ходит как барышня, просто чудесно...»

Из последних сил он сопротивлялся болезни, постоянно испытывая опасения, что может быть упущено что-то важное в жизни. Величайший мастер короткого рассказа, он и свою непродолжительную жизнь сумел по-

строить без пустот и провалов. В его биографии легко разглядеть несколько «планов», каждый из которых мог составить целую жизнь — писателя, врача, ученого, просветителя, общественного деятеля.

Однако болезнь делала свое дело.

В сорок с небольшим Антон Павлович чувствовал себя на склоне лет, на самом краю жизни.

«Время идет быстро, очень быстро! Борода у меня стала совсем седая», — писал он Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой.

«...Вероятно, я очень изменился за зиму, потому что все встречные поглядывают сочувственно и говорят разные слова...»

«...Я прямо ужаснулся перемене, которая произошла в Чехове, — вспоминает Ив. Щеглов в апреле 1897 г. — Лицо его было желтое, изможденное, он часто кашлял и зябко кутался в плед».

Перемены в облике Антона Павловича отмечали и А. И. Куприн и И. А. Бунин. Последний писал:

«...В Москве в девяносто пятом году я увидел человека средних лет, в пенсне, одетого просто и приятно, довольно высокого, очень стройного и очень легкого в движениях...»

В Ялте я нашел его уже сильно изменившимся: он похудел, потемнел в лице; во всем его облике по-прежнему сквозило присущее ему изящество, однако это было изящество уже не молодого, а много пережившего и еще более облагороженного пережитым человеком...»

Мы тоже можем выявить эти изменения, если будем разглядывать фотографии Антона Павловича в хронологической последовательности. За какие-нибудь 5—7 лет он резко состарился и превратился из молодого жизнерадостного человека в доброго и мудрого доктора А. П. Чехова, портрет которого (проницательный и грустный взгляд сквозь стекла пенсне, тронутая сединой ост-

роконечная бородка, галстук-бабочка) так врезался в нашу память со школьной скамьи.

Портрет этот созвучен крылатой фразе писателя: «В человеке все должно быть прекрасно...»

Никак не могу согласиться с А. Моруа, который, в принципе, самым высоким образом оценивает Чехова, но в то же время говорит о его лице, что оно «почти банально». Правда, Моруа находит в этом определенный смысл: скромный и добропорядочный человек, каким был Антон Павлович, и не должен был поражать окружающих своей внешностью.

Трезво оценивая состояние своего здоровья, А. П. Чехов 3 августа 1901 года отдает распоряжение сестре: «Милая Маша, завещаю тебе в твое пожизненное владение дачу мою в Ялте, деньги и доход с драматических произведений, а жене моей Ольге Леонардовне — дачу в Гурзуфе и пять тысяч рублей. Недвижимое имущество, если пожелаешь, можешь продать. Выдай брату Александру три тысячи рублей, Ивану — пять тысяч и Михаилу — три тысячи...»

В этом завещательном письме не забыты и крестьяне: «Я обещал крестьянам села Мелихово сто рублей — на уплату за шоссе...»

Но вот — главный его завет, которым заканчивается письмо: «Помогай бедным. Береги мать. Живите мирно».

«Разве здоровье не чудо? А сама жизнь?..» — подобные слова, прозвучавшие в рассказе «Дом с мезонином», вполне естественны в устах смертельно больного писателя.

Чехов неоднократно возвращался к определению понятия «здоровье»:

«Здоровье есть свобода», — пишет он в рассказе «Цветы запоздалые». Обратим внимание — это определение оказывается созвучным марксовой формулировке: «Что такое болезнь, как не стесненная в своей свободе жизнь».

Болезнь резко ограничила свободу писателя.

По требованию врачей он оставил любимые им Москву и Подмоскowie, он должен был ездить на курорты, и даже умереть он вынужден был на чужбине — в Баденвейлере.

Многие биографы Антона Павловича связывают его преждевременную смерть с преувеличением роли климатического фактора в лечении туберкулеза легких.

При рекомендации того или иного курорта, как правило, не учитывались трудности дальней дороги (поездки на кумыс в Уфимскую губернию больной писатель сравнивает с путешествием на Сахалин), неустроенность быта, отрыв от привычной обстановки, близких ему людей. Поэтому в высказывании Антона Павловича, что «вынужденная праздность и шатание по курортам хуже всяких бацилл», есть немалая доля истины.

Противоречия во врачебных назначениях подрывали веру в целесообразность такого лечения.

Когда после четырех зим, проведенных в Ялте, из которой Антон Павлович с горечью писал: «...Я точно в ссылке в городе Березове...» — он вдруг услышал от профессора А. А. Остроумова — своего университетского учителя, авторитетнейшего терапевта, что «Ялтинская зима вообще скверна», и профессор вопреки другим рекомендациям приказал проводить зиму на даче под Москвой, Чехову оставалось только воскликнуть: «Вот тут и разберись!»

В письме о визите к А. А. Остроумову Антон Павлович рассказывает: «...Осмотрел меня как следует, обругал меня, сказал, что здоровье мое прескверное...» И далее: «...Ты, говорит, калека...»

К сожалению, это был первый и запоздалый осмотр А. П. Чехова знаменитым терапевтом. Во время пребывания Антона Павловича в его клинике профессор сам был болен, а потом уехал из Москвы.

Однако Чехов был вхож к А. А. Остроумову. Известно, что он советовался с профессором по поводу лечения своего друга художника И. И. Левитана, страдавшего серьезной болезнью сердца.

Думаю, что в высшей степени деликатный Антон Павлович не обращался за личной консультацией к Остроумову только потому, что боялся обидеть недоверием своих лечащих врачей.

А в диетотерапии («...то же глупое какао, та же овсянка...»), проводившейся под наблюдением немецких врачей в чужой и далекой ему Германии, Антон Павлович видел явное шарлатанство, против которого выступал всю свою жизнь.

От чеховских времен до эры стрептомицина и других антибактериальных препаратов, совершивших коренной перелом в судьбе туберкулезных больных, должно было пройти долгих полвека.

Однако уже в девяностые годы начало получать распространение лечение туберкулеза легких с помощью искусственного пневмоторакса — вдувания воздуха в полость плевры.

«...У больных, считавшихся обреченными, быстро снижалась температура, прекращались ознобы и изнурительные поты, прекращался кашель, восстанавливался аппетит, и в течение 10—15 дней тяжелый больной приобретал облик выздоравливающего», — писал в наши дни член-корреспондент АМН СССР профессор В. А. Равич-Щербо, которому в своей практике неоднократно пришлось использовать этот старый и проверенный метод.

Эффективность метода была настолько очевидной, что в начале настоящего столетия он получил мировое признание.

Не может не вызвать недоумения, почему же для лечения А. П. Чехова пневмоторакс так и не был применен. Врачами, судя по всему, даже не ставился на об-

суждение вопрос о наложении ему искусственного пневмоторакса.

О природной деликатности Антона Павловича писали многие. Это свойство его характера проявлялось не только в отношениях с людьми. Он и болел и даже умер, если можно так выразиться, чрезвычайно деликатно.

«—Я мешаю... вам спать... простите... голубчик...» — едва выговаривая слова, извинялся он перед А. Серебровым, которого разбудил приступом судорожного кашля.

В одном из писем А. С. Суворину Антон Павлович рассказывает: «...Я на днях едва не упал, и мне минуту казалось, что я умираю. Быстро иду к террасе, на которой сидят гости...»

И в этот критический момент — одна, очень характерная для Чехова мысль: «...Как-то неловко падать и умирать при чужих...».

Отчетливо сознавая, что умирает, он писал из Германии бодряческие письма и категорически запрещал Ольге Леонардовне сообщать на родину правду («...он все твердит, чтобы я писала, что ему лучше»).

Вслед за Буниным хочется повторить: «Было поистине изумительно то мужество, с которым болел и умер Чехов!».

У того же самого Бунина в мрачном рассказе «Копье господне» есть такие слова: «Этот желтый флаг смерти, под которым мы теперь плывем, — желтый санитарный флажок, который мы должны были поднять в Джибутти, — твердо напоминает: будь всегда готов к ней, — она и над тобой, и впереди, и вокруг...».

Антон Павлович, почти всю свою сознательную жизнь проживший под желтым флагом смертельной болезни, не ожесточился, не замкнулся в себе и меньше всего старался думать о смерти. Он не хотел до времени — при жизни — хоронить себя и создавать похоронное настроение у своих близких.

Он даже находил в себе силы шутить над своим здо-

ровьем, подписываясь под некоторыми письмами «Ваш калека» вместо «Ваш коллега». А за несколько лет до смерти он — уже давно обреченный — послал издателю А. Ф. Марксу телеграмму, что вряд ли проживет более 80 лет, чем серьезно напугал издателя, так как по контракту каждые пять лет автор должен получать солидную надбавку гонорара.

Возможно, что в наиболее тяжкие моменты своей жизни он вспоминал, как стоически выносила страдания его близкая знакомая замечательная женщина-врач Зинаида Михайловна Линтварева, погибшая в 1891 г. от опухоли мозга.

«...В то самое время, когда вокруг нее зрячие и здоровые жаловались порой на свою судьбу, она, слепая, лишенная свободы движения и обреченная на смерть, не роптала, утешала и ободряла жаловавшихся», — писал он в некрологе.

Антон Павлович умер в ночь на 2 июля 1904 г.

О последних его минутах мы знаем со слов Ольги Леонардовны.

А. П. Чехов проснулся и впервые за все годы болезни попросил ночью вызвать врача. Когда пришел врач, Чехов сказал, что посылать за кислородом бессмысленно, так как пока его принесут, он уже будет мертв.

— Я умираю, — тихо сказал он, взглянув на жену. И повторил по-немецки для врача, стоявшего рядом:

— Ich sterbe.

Доктор велел дать умирающему бокал шампанского. Чехов взял бокал и, как пишет Ольга Леонардовна, повернулся к ней, «улыбнулся своей удивительной улыбкой», сказал:

— Давно я не пил шампанского... — покойно выпил все до дна, тихо лег на левый бок и вскоре умолкнул навсегда...».

В одном из писем конца 1891 г. Антон Павлович утверждал:

«...Если бы я был около князя Андрея, то я бы его вылечил, — естественно, имея в виду не свои личные способности, а общий прогресс медицинской науки. — Странно читать, что рана князя, богатого человека, проводившего дни и ночи с доктором, пользовавшегося уходом Наташи и Сони, издавала трупный запах. Какая паршивая была тогда медицина!..»

Перефразируя слова любимого писателя и коллеги, хочется воскликнуть:

— Как слаба была старая медицина! Если бы я был рядом с Чеховым, я бы не дал ему умереть.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тульп (1593—1674). Родом из Амстердама, изучал медицину в Лейдене; возвратясь на родину, состоял адъюнктом по анатомии. Изображен на известной картине Рембрандта, демонстрирующим мышцы верхней конечности (1632 г.). В 1654 г. избирался бургомистром Амстердама. Пользовался славой как врач, известен и как анатом.

² Более известна другая медицинская эмблема: пьющая из чаши змея — носительница здоровья и мудрости.

³ В 1876 г. в связи с разорением Павла Егоровича — отца писателя, семейство Чеховых переезжает в Москву. Антон Павлович остается жить на родине, в Таганроге, до получения аттестата.

⁴ У Антона Павловича было четыре родных брата и сестра: Александр Павлович (1855—1913) — старший брат. Литератор. Николай Павлович (1859—1889). Талантливый художник. Умер от туберкулеза.

Иван Павлович (1863—1921). Известный педагог.

Михаил Павлович (1865—1936) — младший брат. Литератор. Автор многих биографических работ об Антоне Павловиче.

Мария Павловна (1863—1957) — сестра. Педагог. Заведовала Ялтинским Домом-музеем. Редактировала собрание писем Антона Павловича.

⁵ Григорович Дмитрий Васильевич (1822—1899). Известный русский писатель, автор повести «Деревня» и знаменитого рассказа «Антон-Горемыка», в которых дает яркую картину жизни крепостной деревни.

⁶ Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912). Беллетрист, драматург и фельетонист. Издатель реакционной газеты «Новое время». Взаимоотношения А. П. Чехова с А. С. Сувориным отличались сложностью. Антон Павлович долгое время наивно полагал, что А. С. Суворин не разделяет черносотенных взглядов редактируемой им газеты. Неоднократно отношения их обострялись по принципиальным вопросам, но хитрый и опытный дипломат Суворин каждый раз уходил от разрыва. Чехов решительно порвал с Сувориным после гнусных выступлений «Нового времени» по делу Дрейфуса.

⁷ Осипов Евграф Алексеевич (1841—1904). Один из основоположников русской земской медицины, многолетний руководитель санитарной организации Московского губернского земства, занимался разработкой санитарной статистики.

⁸ Лейкин Николай Александрович (1841—1906). Писатель-юморист. С 1882 г. редактор-издатель журнала «Осколки».

⁹ Куркин Петр Иванович (1858—1934). Земский врач. Ученик и сподвижник Е. А. Осипова. Многие годы заведовал медико-статистическим отделом санитарной организации Московского земства. Автор многих работ по санитарной статистике и общественной гигиене.

¹⁰ Золя Эмиль (1840—1902). Великий французский писатель, автор серии романов, составивших цикл «Ругон—Маккары». Яркий представитель натуралистической школы.

Чехов высоко ценил выступления Золя в пользу невинно осужденного Дрейфуса. Узнав о смерти Золя, Чехов писал жене: «Сегодня мне грустно, умер Золя. Это так неожиданно и как будто нехотят. Как писателя, я мало любил Золя, но зато как человека, в последние годы, когда шумело дело Дрейфуса, я оценил его высоко».

¹¹ Гааз Федор Петрович (1780—1853). Известный гуманист, врач и общественный деятель, посвятивший всю свою жизнь улучшению содержания заключенных в тюрьмах.

¹² Вагнер Владимир Александрович (1849—1934). Зоолог. Один из основоположников научной сравнительной психологии. Послужил прототипом образа фон Корена в повести «Дуэль».

¹³ Сытин Иван Дмитриевич (1853—1934). Книгоиздатель и книготорговец. Издатель газеты «Русское слово».

НЕКОТОРЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ, ТВОРЧЕСТВА
И МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. П. ЧЕХОВА

- 1860 — 17(29) января — рождение А. П. Чехова.
- 1869 — 1879 — Учеба в Таганрогской классической гимназии.
- 1879 — Переезд Антона Павловича в Москву и поступление на медицинский факультет Московского университета.
- 1880 — В журнале «Стрекоза» опубликовано первое произведение А. П. Чехова — «Письмо к ученому соседу».
- 1883 — Мысли о научной работе «История полового авторитета». Летняя студенческая практика в Чикинской земской больнице. Знакомство с доктором П. А. Архангельским.
- 1884 — Окончание медицинского факультета университета. Выход первого сборника рассказов «Сказки Мельпомены». Собирает материалы для диссертационной работы «Врачебное дело в России». Временная работа врачом в Чикинской земской больнице и в Звенигородской больнице. Там же периодически работает летом 1885—1887 гг. В зимние месяцы частнопрактикующий врач. Декабрь 1884 г. — первое кровохарканье.
- 1886 — 25 марта письмо Д. В. Григоровича А. П. Чехову, в котором известный писатель призывает Чехова уважать свой талант, бросить срочную работу и т. д. После этого письма Антон Павлович сворачивает медицинскую практику и больше времени уделяет литературному творчеству.
- 1888 — Присуждение Пушкинской премии за сборник «В сумерках». Летом отдыхает в Сумах в имении Линтваревых, где ведет прием больных на фельдшерском пункте.
- 1889 — Летом вновь в имении Линтваревых. 17 июня — смерть брата Николая от туберкулеза легких. В сборнике «Памяти Гаршина» рассказ «Припадок». Опубликована «Скучная история». Начало подготовки к путешествию на Сахалин.
- 1890 — Поездка на Сахалин. Проведение серьезных медико-социологических исследований на острове. Рассказ «Гусев».
- 1891 — Работа над книгой «Остров Сахалин». Написаны «Дуэль», «Дом с мезонином» и др.
- 1892 — Поездка в Нижегородскую и Воронежскую губернии по делам помощи голодающим. Приобретение Мелихова. Эпидемия холеры. Организует врачебный участок по борьбе с холерой

Ведет амбулаторный прием больных в усадьбе и выезжает по вызовам.

Публикация «Палаты № 6».

- 1893 — Март — Двенадцатый экстренный губернский съезд врачей Московского земства, на котором отмечена большая работа доктора Чехова во время эпидемии холеры. Создание в Мелихове контрольно-наблюдательного врачебного пункта в связи с новой вспышкой холерной эпидемии. Работа на участке. Печатается «Остров Сахалин».
- 1894 — Поездка в Крым в связи с ухудшением здоровья. Несет общественные обязанности: гласный Серпуховского земского собрания; присяжный заседатель Московского окружного суда; попечитель Талежского сельского училища. Опубликованы «Черный монах», «Скрипка Ротшильда», «Рассказ старшего садовника» и др.
- 1895 — Принимает активное участие в спасении хирургического журнала. В последующие годы (1896 и 1897) помогает профессору П. И. Дьяконову найти издателя, публикует за свой счет объявления о подписке на журнал и т. д. Отдельное издание книги «Остров Сахалин».
- 1896 — Строит школу в Талеже. Опубликованы «Чайка» и «Моя жизнь».
- 1897 — Работа по переписи населения. Постройка школы в Новоселках. 22 марта — обильное легочное кровотечение. Первый врачебный осмотр за 13 лет болезни. Госпитализация в клинику профессора А. А. Остроумова. Публикация повести «Мужики». Награждение медалью за работу по переписи населения. Вновь избран гласным Серпуховского земского собрания. В сентябре уехал за границу. Следит за ходом «дела Дрейфуса».
- 1898 — Разрыв с А. С. Сувориным и «Новым временем». Строительство школы в Мелихове. 12 октября — смерть отца. Строительство флигеля в Аутке, близ Ялты. Опубликованы «Ионыч», «Случай из практики», «Крыжовник» и др. Первый спектакль «Чайка» в Художественном театре.
- 1899 — Продано Мелихово. Переезд в Ялту матери и сестры. Воззвание о помощи туберкулезным беднякам. Премьера «Дяди Вани» в Художественном театре.
- 1900 — Избрание почетным академиком. Опубликована повесть «В овраге».
- 1901 — Венчание с О. Л. Книппер. Поездка в санаторий Аксеново, Уфимской губернии на кумыс. Премьера «Трех сестер» в

Художественном театре. «Завещательное письмо», адресованное сестре.

- 1902 — Январь — VIII Пироговский съезд русских врачей. Телеграммы участников съезда в адрес А. П. Чехова. Заявление об отказе от звания почетного академика в связи с аннулированием выборов М. Горького.
- 1903 — Ухудшение здоровья. Впервые осмотрен профессором А. А. Остроумовым.
- 1904 — Премьера «Вишневого сада» и чествование писателя в Художественном театре. Резкое ухудшение здоровья. Отъезд на курорт в Германию. Скончался 2(15) июля в Баденвейлере. 9 июля — погребение на Новодевичьем кладбище в Москве.

БИБЛИОГРАФИЯ

Авдеев Ю. В Чеховском Мелихове. М., 1972, «Московский рабочий».

Ашурков Е. Д. Слово о докторе Чехове. М., Медгиз, 1960, 48 с.

Балухатый С. Библиотека Чехова. — В кн.: Чехов и его среда. Л., «Академия», 1930, с. 197—423.

Бельчиков Н. Ф. Неизвестный опыт научной работы Чехова. — В кн.: Чехов и его среда. Л., «Академия», 1930, с. 105—133.

Бердников Г. Чехов. М., «Молодая гвардия», 1974, 512 с.

Бунин И. А. Памяти Чехова. — В сб.: «Памяти А. П. Чехова». М., 1906.

Гейзер И. М. Чехов и медицина. М., Госмедиздат, 1954, 140 с.

Горький М. А. П. Чехов. — В сб.: «Памяти Чехова». М., 1906.

Гиляровский В. А. Антоша Чехонте. — Сочинения, в 4-х т., т. 3, с. 283.

Ермилов В. Антон Павлович Чехов (1860—1904). М., «Молодая гвардия», 1949, 440 с.

Задера Г. П. Медицинские деятели А. П. Чехова в оценке д-ра Штерна. СПб., 1905, 24 с.

Книппер-Чехова О. Л. Последние годы. — В кн.: Чехов в воспоминаниях современников. М., 1952, с. 506—513.

Кони А. Ф. Избр. произв., в 2-х т. Т. 2. Воспоминания. М., 1959, с. 340—349.

Короленко В. Г. Отошедшие. СПб. 1908.

Куркин П. И. Антон Павлович Чехов как земский врач. Материалы для биографии (1892—1894 гг.). — «Общественный врач», 1911, № 4, с. 66—69.

Мартьянов Д. Д. А. П. Чехов и П. И. Дьяконов. (Странички из истории русской хирургической журналистики). — «Вестник хирургии», т. 61, 1941, № 6, с. 761—767.

Меве Е. Б. Медицина в творчестве и жизни А. П. Чехова. Киев, Медицинское издательство УССР, 1961, 286 с.

Россолимо Г. И. Воспоминания о Чехове. — В кн.: Чехов в воспоминаниях современников. М., 1952, 496—505.

Романенко В. Т. Чехов и наука. Харьков, 1962, 208 с.

Соболев Ю. Чехов. Серия ЖЗЛ, М., 1934, 336 с.

Суворин А. С. Дневник. М., 1923, 407 с.

Федоров И. В. Кураторские карточки Чехова-студента. — «Клиническая медицина», т. 38, 1960, № 1, с. 148—153.

Хижняков В. В. Антон Павлович Чехов как врач. М., Госмедиздат, 1947, с. 135.

Чехов Мих. П. Антон Чехов и его сюжеты. М., 1923.

Чуковский К. И. В кн.: Люди и книги. М., 1960, с. 415—473.

Шульцев Г. П. Чехов о грудной жабе. — «Клиническая медицина», т. 38, 1960, № 1, с. 142—144.

Эренбург И. Г. Перечитывая Чехова. — Собр соч., в 9-ти томах, т. 6. М., 1965, с. 131—194.

В творческой лаборатории Чехова. Сборник статей под редакцией Л. Д. Опульской, З. С. Паперного, С. Е. Шаталова. М., «Наука», 1974, 366 с.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора _____	3
В выборе факультета не раскаялся _____	5
Профессия у него была благородная _____	24
Верил он в медицину твердо и крепко _____	43
В медицине прежде всего нужны знания _____	64
Медицина не может упрекать меня в измене _____	87
Спасти хороший хирургический журнал так же по- лезно, как сделать 20 000 удачных операций _____	99
Как слаба была старая медицина! _____	105
Примечания _____	121
Некоторые даты жизни, творчества и медицинской деятельности А. П. Чехова _____	123
Библиография _____	126

Борис Моисеевич Шубин

ДОКТОР А. П. ЧЕХОВ

Заведующий редакцией
научно-художественной
литературы

М. Новиков

Редактор *С. Столпник*

Младший редактор

В. Саморига

Художник *В. Янов*

Художественный редактор

Л. Морозова

Технический редактор

Л. Атрощенко

Корректор *Н. Мелешкина*

A08688. Индекс заказа 77707. Сдано в
набор 14.1.1977 г. Подписано к печати
13.V-1977 г. Формат бумаги $70 \times 108 \frac{1}{32}$.
Бумага типографская № 1. Бум. л. 2,0+
+0,25 вкл. Печ. л. 4,0+0,5 вкл. Усл. печ
л. 5,60+0,70 вкл. Уч.-изд. л. 5,68+0,61 вкл.
Тираж 100 000 экз. (1-й завод 1—50 000 экз.).
Издательство «Знание», 101835, Москва,
Центр, проезд Серова, д. 4. Заказ 2100.
Саратов. Типография издательства «Ком-
мунист», Волжская, 28. Цена 24 коп.

ев, Марат Мингазович.

упредительный санитарный надзор в жилищно-
ском строительстве: Учеб.-метод. пособие для сту-
субординаторов и врачей-стажеров / М. М. Гимаде-
н. мед. ин-т им. С. В. Курашова.— Казань: [Б. и.],
54 с.; 26 см.

лит.: с. 53.

000 экз.

— 1. Гражданское строительство — Санитарный надзор.

614.3 : 69 (075.8)

7-97012] п тп

стал. 02.01.78

